

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

III Толстовские правовые чтения

Сборник докладов

20 апреля 2017 года

Тульское региональное отделение
общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»

Государственный мемориальный и
природный заповедник «Музей-усадьба
Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»

Муниципальное учреждение
культуры «Тульская библиотечная
система», Центральная городская
библиотека им. Л.Н.Толстого

Институт законовeдения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации

Оглавление

Вступление	2
Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»	3
Алексеева Г.В. Идеи ненасилия в восприятии Льва Толстого и христианского анархиста Эдина Баллу	10
Медяник Е.Д. Лев Толстой: мораль в религии и праве	21
Житин Р.М. Этико-правовые воззрения крестьян-толстовцев в начале XX века.....	26
Чисников В.Н. Агенты охраны вокруг Льва Толстого.....	30
Путенихин В.П. Осведомитель охраны Ф.П. Симон – как сложилась его судьба после посещения Ясной Поляны?	47
Кузьмичева О.Н. «Воскресение» Л.Н. Толстого на сцене ТАДТ им. М. Горького	53
Улитина О.В. Л.Н. Толстой в жизни тульского прокурора Н. В. Давыдова	56
Гриценко Е.П. Деятельность Л.Н. Толстого и его семьи в Ясной Поляне в защиту здоровья человека	61
Полонская И.Е. Охрана заповедных территорий, связанных с именем Л.Н. Толстого	65

Вступление

Уважаемые читатели!

20 апреля 2017 года в Туле состоялись III Толстовские правовые чтения. Инициаторами их проведения выступили Тульское региональное отделение Ассоциации юристов России, музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна», МУК «Тульская библиотечная система», Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула), Центральная городская библиотека им. Л.Н.Толстого (г. Тула).

Эти чтения можно назвать и международными, поскольку в них приняли участие не только представители Уфы, Тамбова, Тулы, но и Украины.

В данном издании содержатся материалы всех докладов, прозвучавших на третьих Толстовских правовых чтениях, в том числе и присланных для заочного участия. Надеемся, они представляют интерес для всех, кого волнует правовой аспект творческой и общественной деятельности Л.Н. Толстого.

Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна»

В самом центре средней России с ее неброской, но удивительно трогательной природой, расположена яснополянская усадьба – такая же скромная, но прекрасная и величественная в своей простоте.

В Ясной Поляне родился и прожил большую часть своей жизни Лев Николаевич Толстой. Здесь начинался его собственный мир, здесь рождался мир его произведений и героев. Здесь были написаны многие главы романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», повести «Поликушка», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Хаджи-Мурат», многочисленные статьи и рассказы.

Первые сведения о Ясной Поляне относятся к 1652 году. С середины XVIII века усадьба принадлежала предкам писателя по материнской линии князьям Волконским. На протяжении XVIII и XIX столетий здесь создавался уникальный усадебный ландшафт – парки, сады, живописные аллеи, пруды, богатая оранжерея, был создан архитектурный ансамбль, включавший большой барский дом и два флигеля. Решающую роль в развитии усадьбы сыграл дед Льва Николаевича князь Николай Сергеевич Волконский.

Дочь и наследница князя Мария Николаевна после смерти отца вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого. В их семье родилось пятеро детей: сыновья Николай, Сергей, Дмитрий, Лев и дочь Мария. Младший из сыновей и будущий писатель появился на свет 28 августа 1828 года по старому стилю. И отец, и мать будущего писателя рано ушли из жизни. Мария Николаевна Толстая умерла в 1830 году, через девять лет скончался Николай Ильич. Опекуншей детей сначала стала жившая с ними тетушка, сестра Николая Ильича Александра Ильинична Остен-Сакен, а после ее смерти в 1841 году – другая тетушка, Пелагея Ильинична Юшкова. Она увезла племянников в Казань, где жила со своим мужем. В Ясную Поляну Толстой вернется – уже хозяином – лишь в 1847 году, оставив учебу в Казанском университете.

В 1847 году произошел раздел родительских имений между братьями Толстыми. *«По обычаю как младшему в семье мне отдали имение, в котором жили – Ясную Поляну»*, – пишет Лев Николаевич. Он сразу же решает круто изменить свою жизнь и обосноваться у себя в деревне. Как и герой повести «Утро помещика» Дмитрий Нехлюдов, девятнадцатилетний Толстой всей душой стремится *«посвятить себя жизни в деревне»*, потому что чувствует, что *«рожден для нее»*.

Но уже первые предприятия вызывают разочарования. Все получается не так, как он ожидал, и крестьяне с недоверием относятся к начинаниям молодого барина. Разочаровавшись в стремлении делать добро, он отправляется на военную службу.

В конце 1850-х годов Толстой вышел в отставку и вернулся в Ясную, хотя и не жил там постоянно, много времени проводя в Петербурге и Москве. Он поселился в одном из флигелей, ставшем со временем домом для него и его семьи – в нем он прожил более 50 лет. Вместе с ним в новый дом переехали старая мебель, книги, прадедовские зеркала XVIII века, фамильные портреты.

Именно этот дом сегодня известен как Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Все предметы здесь являются подлинными. Личная библиотека Толстого, насчитывающая более 22 тысяч книг, находится под охраной ЮНЕСКО.

23 сентября 1862 года Лев Николаевич женился на дочери московского гоф-медика Софье Андреевне Берс. Жизнь молодых большей частью проходила в Ясной Поляне, где молодой графине поначалу было нелегко освоиться. Постепенно она сумела стать настоящей хозяйкой усадьбы, и вскоре женская рука стала чувствоваться здесь во всем: дом стал уютнее и удобнее, вокруг него появились нарядные цветники.

Все больше внимания хозяйству уделял и Лев Николаевич. Он расширил дедовский яблоневый сад. Постепенно площадь яснополянских садов выросла в 4 раза и превысила 40 гектаров. Всего в Ясной Поляне было посажено пять садов: Красный, Молодой и Старый, а также сады у Дома Волконского и у Большого пруда.

Сады давали устойчивый доход имению. Их всегда сдавали в аренду съемщикам за цену от двух до пяти тысяч в год, а часть яблок по условиям договора оставляли себе.

Еще более масштабными оказались лесные посадки Толстого. До него яснополянские леса представляли собой участки старого лесного массива. Их старинные названия сохранились до сих пор: Чепыж, Старый заказ, Арковский верх. Лесоводческая деятельность Толстого значительно расширила лесные массивы Ясной Поляны; вновь появившиеся леса не только украсили собой усадьбу, но и принесли несомненную практическую пользу: закрепили расползающиеся склоны многочисленных оврагов. Кроме того, земли в районе Ясной Поляны были весьма бедными, и выгоднее было посадить здесь леса. В общей сложности лесные посадки в Ясной Поляне занимают огромную площадь – 254 гектара.

С 1860-х годов начал изменяться и яснополянский дом Толстых: отныне он рос вместе с семьей. За годы брака у Толстых родилось 13 детей. Пятеро из них умерли в раннем детстве, до зрелого возраста дожили восемь – сыновья Сергей, Илья, Лев, Андрей, Михаил и дочери Татьяна, Мария и Александра. К центральной части дома – несколькими комнатам, расположенным анфиладой – в разные годы добавлялись пристройки.

В 1881 году Толстые купили дом в Москве. Выросли старшие дети, им нужно было продолжать образование, дочерям нужно было выезжать. Теперь зима семья проводила в Москве. Однако город тяготил писателя, ему была необходима «ванна деревенской жизни». Весной он стремился поскорее вернуться в Ясную Поляну, где ему так хорошо дышалось и работалось. В последние годы Толстой уже не переезжал на зиму в Москву, предпочитая покой и уединение Ясной.

К тому времени яснополянская усадьба уже не принадлежала Льву Николаевичу. Еще в 1892 году он, в соответствии со своими взглядами, отказался от собственности и разделил все, чем владел, между наследниками. Ясную Поляну получили Софья Андреевна и совсем еще маленький младший

сын Ванечка, впоследствии умерший от скарлатины (в 1895 году, в семилетнем возрасте).

В последние годы жизни Толстого атмосфера дома изменилась; семейный разлад омрачил жизнь его обитателей. 28 октября 1910 года Лев Николаевич покинул Ясную Поляну навсегда. 9 ноября 1910 он был похоронен на краю оврага в лесу Старый Заказ.

После смерти Толстого хозяйкой Ясной Поляны до 1919 года оставалась Софья Андреевна. В 1911 г. она дважды обращалась к Николаю II с просьбой принять Ясную Поляну под охрану государства, но получала отказ. Было решено назначить вдове писателя пенсию, которая отчасти шла на содержание усадьбы. С. А. Толстая всеми силами и средствами старалась хранить Ясную Поляну, оберегая неприкосновенность кабинета и спальни мужа, обстановки всего дома; ею были сделаны многочисленные записи на предметах быта и фотографиях, при ее участии началось описание личной библиотеки Л. Н. Толстого. Она привела в систему хранившиеся в усадьбе письма и оказывала помощь исследователям, работавшим над биографией писателя.

В 1921 году в Ясной Поляне был открыт музей, основной миссией которого является распространение творческого наследия писателя. Музей входит в число особо ценных объектов культурного наследия Российской Федерации и, безусловно, является одним из уникальнейших мемориальных музеев мира.

На данный момент Ясная Поляна – это крупный музейный комплекс, признанный культурный центр мирового значения. Помимо толстовского музея, в него входит целая сеть филиалов. Но его центром по-прежнему остается усадьба – настоящая, «живая», именно такая, какой ее знал и любил Толстой. Здесь сохраняются многие виды хозяйственной деятельности: в огромных садах собирают яблоки, пасека приносит мед, радуют глаз грациозные лошади...

Башни въезда

Аллея Прешпект

Дом Волконского

Большой пруд

Дом Л.Н. Толстого

Флигель Кузминских

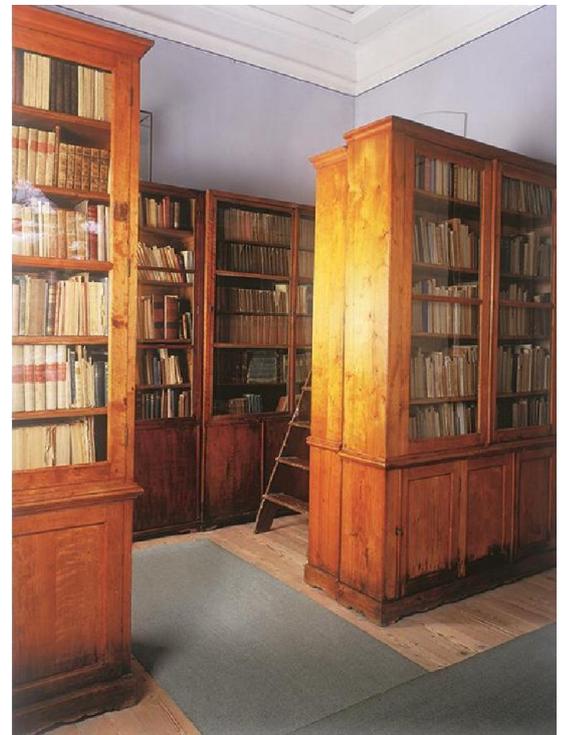
Кучерская изба

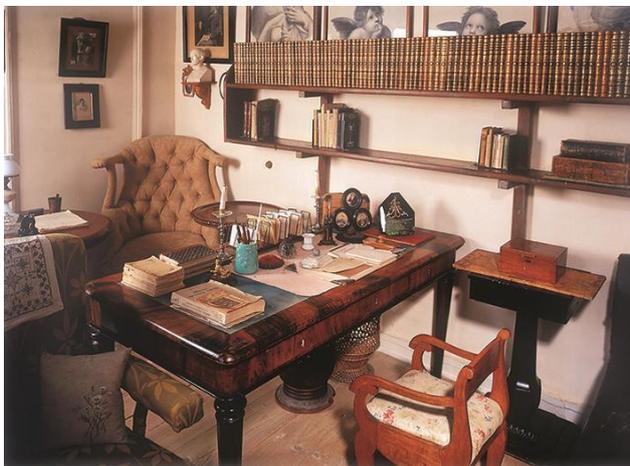
Любимая скамейка писателя

Зала

Библиотечная

Кабинет

Передняя

Комната под сводами

Нижний пруд. _Березовый мостик

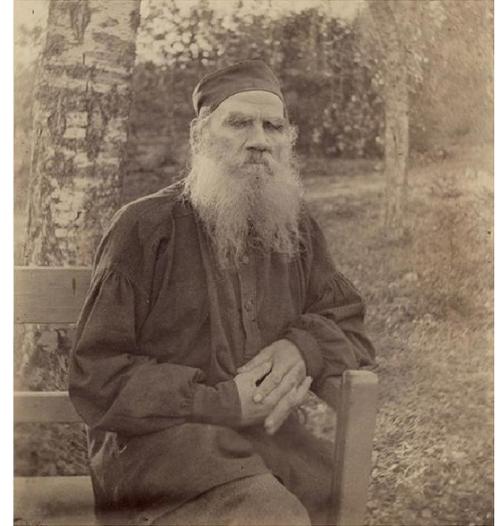
Средний пруд с купальней

Сад

*Л.Н. Толстой и С.А. Толстая в кругу семьи
1-8 сентября 1892 г.*

Л.Н. Толстой 1896г.

Л.Н. Толстой верхом. Фото В.Г. Черткова. 28 июня 1908 г.

Алексеева Галина Васильевна,

заведующая отделом научно-исследовательской работы музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», президент международного комитета литературных музеев ИКОМ (Юнеско), заслуженный работник культуры РФ, кандидат филологических наук

Идеи ненасилия в восприятии Льва Толстого и христианского анархиста Эдина Баллу.

Эдина Баллу Толстой называет одним из истинных апостолов нового времени и включает его «Катехизис» в трактат «Царство Божие внутри вас». Баллу посвятил всю свою жизнь проповеди неппротивления и осуществлению правды практического христианства.

В июне 1889 года Льюис Уилсон, унитарийский пастор и ученик Баллу, убедившись в близости религиозных взглядов Толстого и Баллу, отважился послать яснополянскому мыслителю некоторые из книг и брошюр американского проповедника. Он был уверен, что известие о существовании на другом конце света человека, разделявшего его взгляды и в течение многих лет воплощавшего их в жизнь, укрепит и вдохновит Толстого. Это послужило началом переписки Толстого и Баллу. В своем дневнике 21 июня 1889 года Толстой заносит черновик письма к Уилсону, отправленному на следующий день: «Я редко испытывал такую чистую радость, как при чтении статей и трактатов Баллу. А также редко чувствовал я такую любовь и уважение, как к г. Б[аллу], так и к его трудам» (50, 209).

В личной библиотеке Толстого сохранились почти все присланные Уилсоном книги и брошюры. «Автобиографию» Баллу Толстой получил уже после смерти американского проповедника в 1896 году. На книгах нет помет Толстого, но то, что они им прочитаны, просмотрены, несомненно. Толстой щедро цитирует Баллу в своих произведениях, упоминает о нем в дневнике и письмах. Книги и брошюры из личной библиотеки Толстого, позволяют нам составить представление о масштабе личности Баллу, размахе религиозно-общественной деятельности и, конечно, в первую

очередь Δ осмыслить интерес Толстого к его духовному пути и проповеди непротivления.

«Автобиография» Баллу дает возможность установить, что с религиозными сочинениями Толстого Эдин Баллу познакомился еще в 1886 году, о чем свидетельствуют дневниковые записи американского пацифиста, включенные в последние главы его «Автобиографии». Как только в Соединенных Штатах появились первые переводы произведений русского писателя и серии статей о нем как новом толкователе Евангелий Христа, стремящегося восстановить истинное христианство, Баллу постарался в числе первых читателей познакомиться со взглядами Толстого, на основе которых строились столь необычные утверждения. Легко представить, насколько радостно было Баллу увидеть в Толстом человека, близкого себе по убеждениям, последовательного и радикального защитника мира, реформатора, мудрого советчика в работе по установлению в мире такого порядка, при котором исключается всякое пагубное применение силы, и все основывается на духе чистой любви к Богу и человеку. Насколько оправдались его надежды, мы увидим далее.

Первое упоминание о Толстом появилось в дневнике Баллу 16 февраля 1886 года: «Начал читать недавно купленную книгу графа Толстого «В чем моя вера?». Нашел в ней много хороших мыслей об этике наряду с экстремизмом в применении заповеди Христа о непротivлении злу». Дальше он пишет о несогласии с утверждениями Толстого богословского характера. Запись заканчивается следующими словами: «... буду читать далее и обдумаю все как следует»¹. Но сосредоточенное прочтение и размышления по поводу книги «В чем моя вера?» привели его к выводу о буквальном понимании Толстым заповеди Христа о непротivлении злу. В этом утверждении американский писатель не был оригинален. Многие богословы как в России, так и на Западе, писали о буквальном восприятии яснополянским мудрецом христианских заповедей, поэтому прежде чем перейти к диалогу Толстого и Баллу, хотелось бы привести высказывание русского религиозного философа Н.А.Бердяева: «Смысл толстовского непротivления насилиям был более глубоким, чем обычно думают. Если человек перестанет противиться Злу

¹ Autobiography of Adin Ballou: (1803-1890) ... / Completed and edited by ... W. S. Heywood. Lowell (Mass.): The Vox populi: Thompson & Hill, 1896. P.509.

насилием, т.е. перестанет следовать Закону этого мира, то будет непосредственное вмешательство Бога, то вступит в свои права божественная природа. Добро побеждает при условии действия самого Божества»².

Но для Эйдина Баллу, последовательного непротивленца, восприятие заповеди о непротивлении злу в понимании Толстого означало сведение учения Христа к крайности, не оправданной ни учением Христа, ни истинной заботой о благе того, кто это зло совершает. Он относился к учению о непротивлении злу насилием как заповеди высшего порядка, пришедшей с небес, рожденной не человеческой, а божественной природой Δ совершенной мудростью и любовью Бога. Человеческая природа располагает способностью к пониманию, воплощению этой заповеди, но не без самопожертвования и помощи свыше.

Хотя Толстой с его трактовкой учения о непротивлении злу насилием в книге «В чем моя вера?» не совсем оправдал надежды Баллу, он, спустя три года, с помощью своего ученика и последователя пастора Уилсона, вступил в переписку с русским писателем, окончательно прояснившую позицию обоих.

Для лучшего проникновения в суть взаимоотношений Толстого и Баллу следует сказать несколько слов о самом Эйдине Баллу и его пути.

В 1838 году учение о непротивлении злу насилием раскрылось Баллу во всей своей гармонии и полноте. Он становится христианским непротивленцем, но не слепым и иррациональным, а с твердым убеждением в том, что истинное христианское непротивление Δ не пассивность, не безразличие к тем, кто делает зло, а воздержание от любого применения вредной, неблагоприятной силы, как и от любого действия, слова, чувства по отношению к делающим зло, если все это может нанести вред их телу, разуму или духу. В том же году был принят и опубликован Баллу «Образец практического христианства», а в 1841 году Баллу с тридцатью последователями организовал Общину в Хоупдейле, неподалеку от Бостона. «Это было строго практическое христианское движение, Δ пишет Л. Уилсон, Δ вдохновленное учением Нового Завета. Они стремились осуществить на

² Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990, № 2. С. 99

практике такие заповеди Христа, как **▲** не противься злему, возлюби врагов своих и т. д.»³.

В течение первых четырнадцати лет община процветала, ее численность увеличилась до трехсот человек. Все они размещались в пятидесяти домах, на пятидесяти акрах земли, с часовней, библиотекой, школой, магазинами. По словам членов общины, это была удивительно живописная деревня с хорошими, аккуратными улицами и домами. Капитал общины составлял девяносто тысяч долларов. Но к 1856 году община была распущена. Не вдаваясь в подробности, надо отметить, что произошло это из-за финансовых и моральных трудностей. Собственность общины была приобретена наиболее богатыми членами, и с тех пор община в Хоупдейле стала обыкновенной деревней. Но основатель общины выдержал все невзгоды и потрясения, продолжая в течение многих лет с немногими последователями осуществлять на практике те великие идеи, на которых и была основана община. Из-под пера Баллу вышел целый ряд книг и брошюр, список опубликованных работ насчитывает пятьдесят названий, среди них – «Христианское непротивление», «Практический христианский социализм» и другие.

В последние годы жизни Баллу был сосредоточен на писании заключительного труда жизни – «Автобиографии», в предисловии к которой сказано: «Я не был человеком, жизнь которого сопровождает успех, а скорее во многих отношениях – неудачником. И не потому, что мои усилия, принципы, идеалы и планы были предосудительны и недостойны, а потому, что они предвосхищали условия и средства, необходимые для их достижения. Мои надежды были слишком настойчивы и оптимистичны, моя цель была слишком высока для немедленной реализации <...> и мой путь был омрачен разочарованием и печалью»⁴.

В письме к Уилсону от 22 июня 1889 года, как бы в ответ на это заявление Баллу, Толстой пишет: «По-моему, как один из первых истинных провозвестников «новых времен», он будет признан в будущем одним из величайших благодетелей человечества. Если в течение своей долгой и с виду не

³ The Christian doctrine of non-resistance. / By Leo Tolstoy and Adin Ballou; Unpublished correspondence compil. by L. G. Wilson // Arena. **▲** Boston, 1890, № 13. P.2.

⁴ Autobiography of Adin Ballou ... P. VII.

успешной жизни г. Баллу испытывал периоды уныния, думая, что все его усилия напрасны, то в этом отношении он только разделил участь своего и нашего Учителя. Передайте ему, пожалуйста, что усилия его не были напрасны; они придают силы другим людям, насколько могу судить по себе. В этих писаниях, кроме изложения истинных основ учения, блестяще опровергнуты все возражения, которые обыкновенно делаются против непротivления» (64, 272). Это письмо было первой реакцией Толстого на присылку Уилсоном книг Баллу. В этом же письме говорится: «Я постараюсь перевести произведения г. Баллу и распространить их, насколько могу, и я не только надеюсь, но убежден, что настало время, когда мертвые услышат глас сына Божия и, услышавши, оживут».

С присланной Уилсоном книгой Э. Баллу «Христианское непротivление» и брошюрами Толстой немедленно ознакомился, а к переведенному Н.Н.Страховым «Катехизису непротivления» написал предисловие, о чем свидетельствует запись в дневнике Толстого от 8 июля 1890 года. В трактате «Царство Божие внутри вас» «Катехизис» Эйдина Баллу следует за «Декларацией» У.Л.Гаррисона, провозглашенной в Бостоне в 1838 году. Баллу был одним из тех, кто подписал текст «Декларации», объявившей, что учение о непротivлении злу злом выражает волю Бога и должно восторжествовать над всеми злыми силами. Сетуюя, что «Декларация» Гаррисона почти не известна американцам, Толстой замечает в «Царстве Божием внутри вас»: «Та же неизвестность постигла и другого борца за непротivление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедавшего это учение, американца Адина Баллу» (28, 8). И действительно, оказалось, что Толстой со своей религиозно-нравственной проповедью в Америке был гораздо более известен, чем Баллу, взгляды которого были во многом близки толстовским. По этому поводу пишет Льюис Уилсон: «Для тех, кто, возможно, полагает, что у такого видного человека, как русский писатель и реформатор Толстой, нет прототипа, следует сказать, что такой человек, перешагнувший свое 87-летие, есть среди нас»⁵.

На страницах американского журнала *Arena* за 1890 год, хранящегося в яснополянской библиотеке, Л. Уилсон опубликовал почти полностью переписку Толстого и Баллу,

⁵ *Arena*. P.I.

дав возможность читателю сравнить взгляды двух последователей учения о непротивлении злу насиллием.

После чтения письма Толстого с размышлениями о заповеди непротивления злу Баллу показалось, что оно превосходит пределы здравого смысла. Находясь в сомнении относительно правильности понимания точки зрения Толстого, а также желая задать ему вопросы по трактату «В чем моя вера?», 14 января 1890 года он обратился к Толстому с письмом, обозначив шесть пунктов, по которым он расходился с Толстым. Предварительно он заметил, что он совершенно спокойно относится к тому, что Толстой с ним далеко не во всем согласен, а Баллу считал, что такие разногласия допустимы среди свободно и независимо мыслящих людей.

Толстой не согласен с Баллу по поводу уступки, допускаемой им для употребления насилия против пьяниц и сумасшедших. Баллу в своем письме отстаивает эту позицию, полагая, что применение совершенно безвредной и даже благотворной силы против пьяниц и сумасшедших пойдет всем во благо.

На замечание Толстого: «Учитель не делал уступок, и мы не должны делать ни одной» (64, 272), Баллу пишет: «Разве Христос когда-нибудь запрещал противление злу силами благотворными, не приносящими вреда, независимо физическими или моральными? Никогда! И толковать заповедь “Не противься злему” в значении абсолютной пассивности к любому проявлению зла только потому, что Он не сделал никаких специальных оговорок, значит игнорировать дух Нового Завета ...»⁶.

На положение Толстого: «... компромисс, неизбежный на практике, не может быть допускаем в теории» (65, 30) Баллу резко замечает, что у людей, исповедующих учение непротивления, не должно быть разрыва в теории и практике. Толстой утверждает: «Истинный христианин не только не может считать что-либо своим, но даже само понятие “собственность” не может иметь для него какое-либо значение» (64, 272). «Но еда, одежда, кров а необходимые условия существования христиан», а парирует Баллу и далее развивает свою мысль: «Иисус сказал: “Отец ваш Небесный знает, что имеете нужду во всем этом”. Если все это а жилище, одежда, еда а необходимые условия смертной жизни, то они, конечно,

⁶ Ibid. P.6.

имеют очень важное “значение”. Иисус сказал: “Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам”. И когда все это “приложится” истинным христианам по воле Бога, чье все это? Не законная ли это собственность тех, кому все это “приложилось”?»⁷.

На утверждение Толстого о том, что «истинный христианин всегда предпочтет быть убитым сумасшедшим человеком, нежели лишиться его свободы» (64, 272) Баллу заявляет, что, если следовать мысли Толстого, то «истинный христианин предпочтет лучше увидеть, как сумасшедший убьет его жену, детей, лучших друзей, чем лишиться его безумной свободы, применив безвредную для него физическую силу.” Дальше он пишет: «Какая заповедь Христа делает безумную свободу священной?»⁸. Здесь, вероятно, следует отметить, что в своем понимании учения о непротивлении злему Баллу более статичен, в отличие от Толстого, находящегося в своем движении к идеалу в вечном поиске. Так, уже 9 мая 1891 года в письме к В.В.Рахманову Толстой размышляет: «Я не живу насилем в том смысле, ч[то] знаю, ч[то] всякий раз, как мне представится вопрос, употребить насилие, или нет, я не пожелаю насилия и не употреблю его сознательно... **▲** Но сказать, что я никогда не употреблю насилия или незаметно для себя не воспользуюсь им **▲** не могу, п[отому] ч[то] сказать это значит сказать, что я свят» (65, 294).

Толстой пишет: «Для христианина правительство есть только узаконенное насилие. Слова: правительства, государства, нации, собственность, церкви, **▲** все это для для истинного христианина не имеет никакого смысла ...» (64, 273). Баллу резюмирует: «Но все это реальность, которую мы не можем игнорировать как фикцию»⁹. Далее следует: «Человек **▲** существо социальное по своей природе, он не есть и не может быть одиноким, независимым индивидуумом. Семьи, правительства, государства, нации, церкви и общины всегда существовали и будут существовать. Христос пришел, чтобы установить правительство высшего порядка, совершенно братское общество **▲** Церковь, “которой не одолеют врата ада” Ради этого Он жил и был распят. Отсутствие правительства,

⁷ Ibid. P.7.

⁸ Ibid. P.16.

⁹ Ibid. P.8

организаций, чистый индивидуализм, все это Δ не истинное христианство. Это невозможно, неестественно, иррационально, это – хаос»¹⁰. Кроме всего сказанного выше, у Э. Баллу возникают вопросы по некоторым позициям, изложенным Толстым в трактате «В чем моя вера?». К примеру, Толстой пишет в главе VIII: «О своем же личном воскресении, как это ни покажется странным всем, кто не изучал сам Евангелий, Христос никогда нигде не говорит» (23, 393). «Я усердно изучал Евангелия, Δ замечает Баллу, Δ в течение более семидесяти пяти лет, и эти утверждения крайне противоположны тому смыслу, который я вкладывал в эти отрывки». И далее он проясняет свою позицию: «Будет ли у человечества, как вы выражаетесь, объединенного с Богом, сознание этого после физической смерти? И если большинство человечества, уверенное в духовной смерти, разъединено с Богом и не имеет возможности для совершенствования после смерти, то какой смысл имеет их личное существование?»¹¹. Здесь нельзя не отметить, что Баллу, воспринимал Толстого главным образом по книге «В чем моя вера?» и не подозревал, что к началу 1890-х годов Толстой в своем духовном развитии уходит от многих положений этого трактата. В письме к В.В.Рахманову от 28 февраля 1891 года он замечает: «Не думайте, что я защищаю прежнюю точку зрения в Ч[ем] М[оя] В[ера]. Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что мы пережили ее. Δ Вступив на новый путь, нельзя не обрадоваться тому, что первое увидел впереди себя. И простительно принять то, что на начале дороги, за цель пути. Но, подойдя ближе и только благодаря тому, что видел сначала, нельзя не радоваться тому, что увидел впереди бесконечную светлую даль» (65, 261).

Но вот что отвечает Толстой Баллу в феврале 1890 года: «Позвольте мне не возражать на некоторые догматические разногласия в наших мнениях о смысле слов “Сын Божий”, о личной жизни после смерти, о воскресении. Я написал большую книгу Δ перевод, соединение и толкование Евангелий, Δ в которой я изложил все, что думаю по этим вопросам. Положив в то время Δ десять лет тому назад Δ всю

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P.9

силу моей души на познание этих вопросов, я теперь не могу ничего изменить, не проверив всего заново. Но различие взглядов на эти понятия представляются мне малозначительными. Я твердо верю, что если я посвящу все мои силы на исполнение воли Бога, так ясно выраженной в его словах и в моей совести, **А** хотя я и не вполне верно представлял себе цели и намерения Бога, которому я служу, **А** он меня не оставит и устроит все к моему благу» (65, 37).

А в письме к Д.А.Хилкову от 21 февраля 1890 года Толстой пишет о Баллу: «К сожалению, он держится некот[орых] церковн[ых] догматов и в практике защищает собственность, но спорить с ним бесполезно» (65, 29).

В предсмертном письме к Толстому Баллу четко сформулировал свое отношение к его учению: «... Ваше учение божественно, грандиозно, подобно учению Христа, но оно не осуществимо, так как существует общество. Мы должны иметь правительство, содержать учреждения, делать деньги. Итак, церковь, государство, политика надежно сплетены в принудительной цивилизации до Золотого века!»¹². Подводя итог всему сказанному, он уверенно пишет, «что христианство никогда не войдет в свою обетованную землю, пока божественная истина принципа непротивления не получит признания»¹³.

Несмотря на некоторые расхождения во взглядах, оба с глубоким уважением относились друг к другу, и только смерть Эйдина Баллу помешала дальнейшему развитию их духовного общения. Что же касается разногласий по целому ряду позиций, то уместно вспомнить слова Л. Уилсона: «Два человека незаурядного ума обсуждают проблему непротивления. Один из них, воспитанный и выросший в традициях Новой Англии, другой **А** в духе традиций и обычаев России. Господин Баллу **А** потомок многих поколений <...> боровшихся за политическую и религиозную независимость. Граф Толстой **А** выразитель крайней реакции на угнетение масс военной и гражданской системой подавления»¹⁴.

¹² Ibid. P.12.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P.2.

После смерти Баллу Толстой, не считая их разногласия принципиальными, поднимаясь над ними и видя лишь то главное, что их объединяло в едином стремлении практического осуществления христианского учения, настойчиво пропагандировал труды Баллу, хлопотал о переводе и издании одной из самых важных его книг – «Христианское непротивление» Δ в издательстве «Посредник», что и было предпринято в 1908 году.

В «Воспоминаниях графини А.А.Толстой» есть упоминание об американском пасторе N.N. (из контекста записи совершенно очевидно, что она имеет в виду Эйдина Баллу), которого Толстой чрезвычайно высоко ценил: «В одном из наших *tete-a-tete* он спрашивал меня, знаю ли я проповеди американца пастора N.N. (фамилию его я забыла). Я сказала, что нет.

Δ Хотя мы друг друга никогда не видали, но во всех наших суждениях о жизни, религии, обязанностях человека, мы так сходны, как будто всегда жили вместе; я считаю его вполне своим другом. Ему было бы теперь 80 лет; к сожалению, он умер в прошедшем году». Книжку американца я унесла вечером с собою, имея дурную привычку читать по ночам. Она начиналась письмами Льва и сокращенным изложением его известных теорий. Не останавливаясь долго на том, что знала наизусть, я спешила ознакомиться с престарелым пастором. Каково же было мое не удивление, а изумление! Пастор писал все то, что вы, и я, и всякий православный и непосредственный человек, не зараженный теориями Толстого, тысячу раз думал и говорил»¹⁵. По всей вероятности, Александра Андреевна Толстая читала американский журнал *Arena* (1890, №13), экземпляр которого с пометами, видимо, ее рукой, хранится в книжном собрании Толстого. Проповедь Эйдина Баллу не могла не тронуть графиню А.А.Толстую, судившую, как становится ясно из сказанного выше, не совсем так, как ее великий племянник. Несомненно, Толстого привлек прежде всего общечеловеческий характер религиозных взглядов Баллу. Десять лет спустя Толстой в своем обращении к американскому народу называет его в числе американских писателей, особенно повлиявших на него. А 25 апреля 1906 года в ответ на несохранившееся письмо Э. Кросби он пишет:

¹⁵ Толстовский музей. Т.1: Переписка Л.Н.Толстого с гр. А.А.Толстой: 1857-1903. СПб., 1911. С. 64.

«Я жалею не Адина Баллу, а американцев, которые не знали его имени и трудов» (76, 138).

В религиозно-философском сборнике «Путь жизни», созданном в последний год жизни Толстого и явившимся итогом многолетних исканий и раздумий, Толстой включает отрывки из произведений Баллу в главы «Насилие», «Наказание», «Суеверие государства». В «Недельное чтение» «Круга чтения» он помещает «Непротивление злу насилием» Э. Баллу. «Христос учит тому, чтобы не противиться злу. Учение это истинно, потому что оно вырывает с корнем зло из сердца и обиженного и обижающего. Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же нам сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то самое, что вызывает это чувство зла, Δ обидеть другого, т.е. повторить дурное дело? Поступить так Δ значит вместо того, чтобы изгнать дьявола, усилить его. Сатану нельзя изгнать сатаной, неправду нельзя очистить неправдою, и зло нельзя победить злом», Δ пишет американский писатель (41, 174). Д.П.Маковицкий в «Записках» отмечает, что 17 марта 1909 года Толстой, прочитав еще раз в «Круге чтения» «Непротивление злу насилием», сказал: «Все мои сочинения не имеют одной десятой той силы, что эти три странички Баллу»¹⁶. Все это позволяет говорить об определенной общности, близости религиозных и этических взглядов, которые предопределили глубочайший интерес и уважение Толстого к Эдину Баллу на протяжении последних двух десятилетий его жизни. «Дорогой друг и брат, Δ так начинает Толстой свое последнее письмо Баллу, которое он, вероятно, уже не успел получить, Δ я редко испытывал такое истинное и большое удовольствие, как при чтении вашего истинно братского и христианского письма» (65, 113). Безусловно, Толстого больше волновали не возникавшие у него с Баллу расхождения в вопросе о теории и практике непротивления, а то большой важности «огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить - стремлением ко всеобщему братству» (65, 144).

Толстой и Баллу в своем диалоге, дискутируя относительно закона мира и закона Бога, находя точки

¹⁶ Маковицкий Д.П. У Толстого. Кн. 2. С. 216.

соприкосновения и вновь расходясь, ставят величайшие проблемы, требующие серьезного осмысления и на современном этапе.

Медяник Екатерина Дмитриевна,

студентка Института законоведения и управления ВПА (г. Тула)

Лев Толстой: мораль в религии и праве

Влияние права на религию и наоборот достаточно специфично. Религиозный фактор влияет на экономику, политику, семью, на область культуры через деятельность верующих индивидов, организаций [1]. В свою очередь государство через правовые нормы оказывает координирующее воздействие на деятельность церкви, позволяя мирно сосуществовать лицам различного вероисповедания, препятствует созданию нежелательных сект, либо, в некотором роде, сливается с господствующей религией, и часть религиозных норм становится государственно-правовыми нормами.

Россия всегда была многоконфессиональной страной. Конфликты религиозных и правовых норм, конфликты интересов христианства, ислама, славянского язычества и многих других мировоззренческих течений периодически приобретают остроту в России. Данные проблемы не раз затрагивались философами, политиками, историками и писателями, однако ни один из русских писателей, сравнимых с Толстым по силе художественного дарования, не пытался в определенной степени противопоставить себя Православию, Русской Церкви.

Многих простых людей, которые приходят в Церковь, «проблема Толстого» сильно смущает. Для нескольких поколений Толстой стал символом русской классической литературы, мерилom нравственности. И вдруг, входя в храм, они должны оставить его за оградой? Наши современники снова и снова возвращаются к этому моменту толстовской биографии, пытаясь понять его суть.

Так, в феврале 2001 г. правнук писателя В. Толстой безуспешно обращался к Святейшему Патриарху Алексию II с письмом, в котором просил снять отлучение с графа Толстого. В 2010 г. к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу обратился президент Российского книжного союза Сергей Степашин с просьбой о разъяснении позиции Церкви в отношении Льва Толстого и ходатайствовал в канун 100-летия со дня смерти великого русского писателя о публичном проявлении в той или иной форме чувств сострадания со стороны Церкви к великому писателю. 18 ноября 2010 г. в «Российской Газете» последовал ответ: «деятельность Л.Н. Толстого в последние десятилетия его жизни, к сожалению, была поистине разрушительна для России, которую он любил. Она принесла несчастье народу, которому он так хотел служить». Как видим, церковь, в принципе, остается непреклонной.

Переход великого писателя к критическому противостоянию с Церковью, происходит в конце XIX столетия. В 1893 году Лев Толстой закончил написание трактата «Царство Божие внутри вас», в которой деятельность русской православной церкви была подвергнута критике. Из-за цензуры книгу эту невозможно было издать в России, и она была напечатана за рубежом.

По сути, писатель затронул вопрос об отдельности современной ему церкви и православия как мировоззрения. Он считал, что первая пошла по ложному пути, внушая каждому человеку необходимость с рождения до смерти под страхом наказания выполнять формальные действия, из которых состоят процедура крещения, венчания, исповеди и другие. «...И вот эта-то вера, и никакая другая, называемая православной, т.е. настоящей верой, под видом христианской, всеми силами в продолжение многих веков и с особенным напряжением теперь внушается народу теоретически и практически, всеми средствами торжественности, блеска, авторитета, насилия гипнотизируя его, заставляют его верить в это и ревниво оберегают эту веру от каждой попытки освобождения народа от этих диких суеверий». [3]

В Определении Синода Русской Православной церкви граф Толстой был назван «лжеучителем», проповедующим «ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской». Вместо слова «Анафема» в Определении Синода употреблены выражения «отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православной», «отпадение его от Церкви».

Учитывая популярность творческого и философского наследия Толстого, его несомненный авторитет при воспитании уже многих и многих молодых поколений, наша задача – не вступая в многоголосие критики его произведений и жизненной позиции ответить на вопрос: «Какой положительный опыт может извлечь современный читатель духовной прозы Льва Николаевича Толстого?» Для этого снова обратимся к первоисточникам.

Тема жизни и финальная творческая задача была осознана Толстым достаточно рано. В дневниковой записи от 5 марта 1855г. встречаем: «Разговор о божественном навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества: религии Христа, но очищенной от веры и таинственности; религии практической, не обещающей будущего блаженства, но дающей блаженство на земле.» [2] Автору записи не исполнилось и 27 лет.

В ходе размышлений Толстой приходит к следующему мнению: «сущность всякой религии состоит в ответе на вопрос – зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру? Вся же метафизика религии, все учения о божествах, все внешнее богопочитание, которые обыкновенно принимаются за религию, суть только различные по географическим, этнографическим и историческим условиям сопутствующие религии признаки. Нет ни одной религии, от самой возвышенной и до самой

грубой, которая не имела бы в основе своей этого установления отношения человека к окружающему его миру или первопричине его. Выражения этих отношений всегда различно перетолковываются и уродуются последователями учителя и потому этих отношений человека к миру, т.е. религий очень много». [2]

Следующие строки свидетельствуют о том, что писатель, в принципе, относился к религии уважительно, признавал ее жизненную необходимость: «Каждый человек непременно как-нибудь представляет себе свое отношение к миру, потому что разумное существо не может жить в мире, окружающем его, не имея какого-либо отношения к нему. Ни философия, ни наука не могут установить отношения человека к миру, потому что отношение это должно быть установлено прежде, чем может начаться какая-либо философия или наука. Религия – первопричина всего (и науки и философии). Кроме того, религия – основа (первопричина) разума». [2]

Но для того, чтобы ориентироваться в жизни (а значит, в обществе, праве и политике) по мнению писателя необходима нравственность. «Нравственность, писал Толстой, – это указание и разъяснение деятельности человека, которое вытекает из его отношения к миру. Нравственность – это нарушение неправовых законов». [2]

Любое веление законодателя само по себе не становится правовым, пока не пройдет через призму нравственности, справедливости. Жестокие, глупые законы, противные естественному порядку вещей рано или поздно толкают народные массы на протест. Так же и религиозные каноны, если они вводят людей в заблуждение и оторваны от гуманизма, должны подвергаться критике. Так, будучи в Париже Лев Толстой стал свидетелем смертной казни. «Когда я увидел как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял – не умом, а всем существом, - что никакие теории разумности существующего прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям находили, что это нужно, - я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорят и делают люди, и не закон, а я со своим сердцем». [2]

В истории русской литературы Толстой остается ярчайшей, несомненно положительной фигурой, в истории же нашей духовной культуры – открытой этической проблемой, беспризорным феноменом. В чем же заключалась нравственная система Толстого, к которой он пришел и должна ли она подвергаться бесспорному осуждению?

Толстым был сформулирован методологический принцип: Если взять все учения всевозможных религий, у них есть общее ядро и есть то, чем они отличаются. Ядро – это мораль. Мораль во всех религиях одинакова: не убий, не прелюбодействуй, не укради т.д. То, чем они отличаются, – догматика, обряды, мистическая часть вероучения. Предавать догматике первостепенное значение ошибочно, с точки зрения Толстого, так как это приводит к суевериям, к потере способности критически оценивать свои и чужие поступки, к бездумному исполнению воли правящих. Главное в христианстве

(да и не только в нем), – понимание того, как себя надо вести, именно этическое учение, суть.

Действительно, иметь нравственное учение без примеси к нему суеверий – огромный прогресс. Проповедование только внешнего культа идолопоклонства ведет к фарисейству, равно как исполнение всех внешних предписаний закона и упущение дел добра. Внешний культ и служение милости и правде трудно совместимы: большею частью одно исключает другое. Толстой апеллировал к «чувству здравого смысла», к внутренней интуиции правоты, которыми нам следует руководствоваться во всех жизненных проявлениях и пропускать через себя как государственно-правовые, так и религиозные явления. Такая позиция, безусловно, заслуживает уважения.

Пытаясь освободить нравственность от сверхъестественных сил, Лев Николаевич взывал только к лучшим личностным качествам человека: любви, добру, достоинству, труду, свободе... Именно поэтому он актуален для любого времени, вне зависимости от общественно-политической обстановки в государстве. И в этом его уникальность!

Список использованной литературы:

1. Путилкин П.А. Взаимодействие права и религии в регулировании общественных отношений, Самара, 2010.
2. Толстой Л.Н.: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей, Санкт-Петербург, 2000.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 28. Царство божие внутри вас 1890-1893. Государственное издательство художественной литературы. Москва – 1985.

Житин Руслан Магометович,

главный библиограф Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина»; кандидат исторических наук (г. Тамбов)

Этико-правовые воззрения крестьян-толстовцев в начале XX века

Первые поселения толстовцев стали возникать в 80-х гг. XIX века на территории Тверской, Симбирской, Харьковской губерний и в Закавказье. Эти колонии получили название «культурных скитов». До 1897 г. толстовство существовало вполне легально и не считалось сектой, однако затем начались гонения. В 1901 году решением Святейшего правительствующего синода было признано, что

Толстой «сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною», а потому не состоит более ее членом [1]. Деятельность толстовцев была запрещена, продолжились аресты адептов движения, закрытие «культурные скитов».

Репрессивными мерами, хотя они и имели существенный эффект, полностью искоренить движение не удалось. В начале 1910-х гг. отмечается новый подъем движения (вторая волна), сторонники которого пережили революционные потрясения 1917 г., и уже в советском государстве (третья волна) смогли создать ряд толстовских земледельческих коммун, некоторые из которых просуществовали до начала Великой Отечественной войны.

Этико-правовые воззрения крестьян-толстовцев первой волны наиболее явно прослеживаются через отношение к земледельческому труду. Для приверженцев учения труд на земле являлся сродни моральной ценности. По мнению Е. Д. Мелешко и А. Ю. Каширина, уникальность социального и духовного опыта толстовцев состоит в признании ими главным мировоззренческим принципом хозяйствования – представление о земледельческом труде как о главной составляющей человеческого образа жизни, являющегося единственным источником сохранения в человеке как в разумном существе живого одухотворенного начала [2].

В независимости от своего социального, экономического и сословного статуса члены общин позитивно оценивали «возможность земледельческого труда» для любого индивида. «Сядясь же на землю», толстовцы стремились начать новую жизнь, которая, как с внешней стороны, так и по своему внутреннему содержанию, должна была резко «отличаться от городской жизни образованных людей» [3]. Человек, подчеркивали члены движения, должен путем трудовой жизни и размышлений познать самого себя, познать свое назначение на земле. А все это достижимо только при непосредственном занятии земледельческим трудом» [4].

Согласно бытующим в среде толстовцев представлениям, духовные ценности значили несравненно больше материальных. Признавая естественным для правдивой жизни учение Христа, «толстовцы» отрицали как саму русскую Православную Церковь, как и ее догматы. По мнению идейных лидеров движения, «для жизни ... по истинно-христианскому учению необходимо строгое исполнение Его заповедей о всепрощении, непротивлении злу, любви к Богу и человеку» [5].

Практическое осуществление идей Л. Н. Толстого было главным духовным фактором объединения людей в «культурные скиты». Члены общин заботились друг о друге, чувствовали полноту жизни и счастья. Современников поражала удивительная незлобивость толстовцев, мягкое отношение к людям, их ошибкам и заблуждениям, нередко проявляемая, несмотря на насмешки и грубое отношение к ним самим. «Все пять заповедей имеют только одну эту цель – мира между людьми», – писал Л. Н. Толстой. «Стоит людям поверить учению Христа и исполнять его, и мир будет на земле, и мир не такой, какой устраивается людьми, временный, случайный, но мир общий, ненарушимый, вечный» [6].

Полное осуществление идей Толстого, безусловно, явилось утопией, однако члены общин верили в возможность нравственного преобразования общества. Среди возможных перспектив, озвученных последователями учения, являлось создание на месте существующего государства общегития свободных и равноправных крестьян. Такая позиция не могла не обратить на себя внимание государственной власти. Многие деятели толстовства первой волны побывали в ссылке в Сибири, куда они попадали за отказ принять присягу при поступлении на военную службу. Кроме того этико-правовое воззрение членов движения запрещало им носить оружие, поэтому, даже уходя на срочную службу, они уничтожали выдаваемое им вооружение. Таким образом, опыт толстовских общностей показывает неразрывность принципа непротивления и ненасилия как многообразия возможностей проявлений свободы совести в пространстве чуждого им правого порядка [7].

В процессе своего развития толстовские общности формировали особый тип хозяйственной этики, с нетрадиционными для крестьянства настройками хозяйственной деятельности. Безусловно, этому способствовало широкая социальная база движения. Среди толстовцев находились врачи, инженеры, художники, учителя, часть адептов имела сельскохозяйственное и инженерное образование. На начальных этапах «скитской жизни», не имея достаточного количества ресурсов, толстовцы проживали на квартирах, нанимались на поденные работы – рубили дрова, копали канавы, трудились на кирпичных и черепичных заводах, устраивались разнорабочими в частновладельческие хозяйства. Некоторые занимались столярным ремеслом, сбывая свои изделия на слободских базарах. Главным условием земледельческого труда в толстовских скитах являлась установка на честную работу. Труд здесь выражал физиологическую потребность человеческого организма и никак не был связан со стремлением получить материальное удовлетворение от результата своей работы. Несмотря на состоятельность некоторых адептов

течения, по своему внешнему виду эти люди казалась беднее даже незажиточных сельчан. Члены «культурных скитов» одевались в поношенные армяки, поддевки, зипуны... вместо хорошей обуви носили опорки, лапти и только зимой – мужицкие сапоги; питались очень умеренно и, главным образом, растительной пищей [8]. В целом, экономическое поведение толстовцев было направлено на закрепление морали в хозяйственной деятельности, стремление реализовать право каждого человека на свободный труд.

Каждодневная работа, внутреннее сосредоточение над своим нравственным уровнем не оставляли места для развлечений. Молодежь в толстовских скитах ограждалась от забав даже «самого невинного свойства», каким были «театр или музыка» [9]. Единственным эстетическим наслаждением была переписка с Л. Н. Толстым. Известно, Лев Николаевич глубоко интересовался жизнью толстовцев и вел с ними весьма продуктивную переписку. Многие из членов движения были знакомы с ним лично, некоторые подолгу гостили в Ясной Поляне, а также часто посещали его в Москве.

В сохранившихся воспоминаниях, приверженцы движения с теплым чувством вспоминали о Л. Н. Толстом, отмечали его отзывчивость и желание наставить на путь истинный каждого обратившего к нему человека. Однако, когда же речь заходила о семейной жизни писателя, толстовцы не скрывали, да и не хотели скрывать своего раздражения. «О графине С. А. Толстой иначе и не отзывались, как с злым чувством и называли ее главной виновницей нравственных мучений, которые переживал Лев Николаевич особенно в последнее время своей жизни. Дети же его, по их мнению, люди никчемные, о которых и говорить не стоит» [10]. Чрезвычайно интересными в этом плане являются мемуары крестьянина Новикова, содержащие любопытные факты не только из жизни самого Толстого, но и интересные зарисовки о жизни его последователей в 1890-х, в начале 1900-х гг. и в период Первой мировой войны [11].

Особенно много споров у современников вызывал вопрос о влиянии запрещенного движения на крестьянскую массу. Один из самых крупных исследователей феномена толстовства, русский литературовед и историк, собиратель фольклора Евгений Захарович Баранов был склонен считать, что это влияние носило минимальный эффект. По его мнению, распространением своего учения адепты специально не занимались, стараясь жить замкнуто [12]. Вместе с тем, он отмечал и случаи повседневно любопытства крестьянского населения к жизни новых соседей. С течением времени у таких сторонних наблюдателей могло появиться, с одной стороны, неприязненное, а с другой – сочувственное отношение к сектантам. Причем, как позитивное, так негативное восприятие движения могло выражаться в довольно резкой форме. Бывали случаи откровенного протеста против толстовцев, их религиозных представлений, некоторые крестьяне предпочитали переход в секту. Но о том, чтобы последователи новой учения вполне усвоили все правила толстовства говорить нельзя, так как «в большинстве случаев они оставались на распутье и кончали тем, что примыкали к сектантству, главным образом, к молоканству».

Другим спорным моментом развития толстовских общностей (поднимаемый уже самими адептами), являлся вопрос воспитания и развития детей в «культурных скитах». Одни высказывались за то, что занятиями должен руководить человек со специальной педагогической подготовкой, а другие, напротив, утверждали, что детям необходимо передавать только определенные знания. Ряд современников настаивали на том, что дети должны сами выбрать свою дорогу в жизни, а для того, они должны получить достойное образование. Достаточно известный в толстовском мире Георгий Александрович Дадиани, по всей видимости, был того же мнения, по крайней мере, он не раз говорил: «Если бы у меня были средства, я пригласил бы к детям хорошего учителя» [13].

Таким образом, первая волна развития толстовства в России – уникальный социальный, культурный, духовно-нравственный опыт, построенный на основе моральных воззрений, принципа непротivления во всех сферах человеческой жизни. Сформированная под влиянием Льва Николаевича Толстого этика движения направляла жизнь «культурных скитов», включая повседневные практики труда и отдыха, воспитания детей, межличностные отношения. Члены движения отстаивали идею нравственного и мирного сосуществования со всеми людьми, права человека на свободный труд как социоестественной потребности человека.

Список литературы

1. Определение Святейшего синода от 20–22 февраля 1901 года, с посланием верным чадам православных грекороссийских церквей о графе Льве Толстом // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем синоде. – 1901. – 24 февраля (№ 8). – С. 45–47.
2. Мелешко, Е. Д., Каширин, А. Ю. Толстовское движение: опыт непротivления и толерантности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). – С. 310.
3. Баранов, Е. З. Толстовцы. – Москва : Дело, 1912. – С. 3-4.
4. Баранов, Е. З. Там же. – С. 4.
5. Баранов, Е. З. Там же. – С. 4-5.
6. Толстой, Л. Н. Исповедь : Вступ. к соч. «В чем моя вера?». – Санкт-Петербург : ред. журн. «Всемир. вестн.», 1906. – 61 с.
7. Мелешко, Е. Д., Каширин, А. Ю. Там же. – С. 315.
8. Баранов, Е. З. Там же. – С. 5.
9. Баранов, Е. З. Там же. – С. 24.
10. Баранов, Е. З. Там же. – С. 25.
11. Новиков, М. П. Из пережитого. – Москва : Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 340 с.
12. Баранов, Е. З. Там же. – С. 34.
13. Баранов, Е. З. Там же. – С. 18.

Чисников Владимир Николаевич,

ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института МВД Украины, кандидат юридических наук, доцент. Член Международной ассоциации историков права, ветеран органов внутренних дел, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (1986 г.), полковник милиции в отставке (г. Киев, Украина)

Агенты тайной полиции вокруг Льва Толстого

Машина политического сыска царской России состояла из трех основных, хорошо отлаженных между собой механизмов: внутренней агентуры (секретные сотрудники), наружного наблюдения (филеры) и перлюстрации корреспонденции («черные кабинеты»). Последние два служили вспомогательными средствами. Главным же источником, обеспечивающим осведомленность царской охраны о революционном движении, являлась внутренняя агентура. «Следует всегда иметь в виду, – поучала жандармская инструкция, – что один, даже слабый секретный сотрудник, находящийся в обследуемой среде... несоизмеримо дает больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведующие розыском» [1].

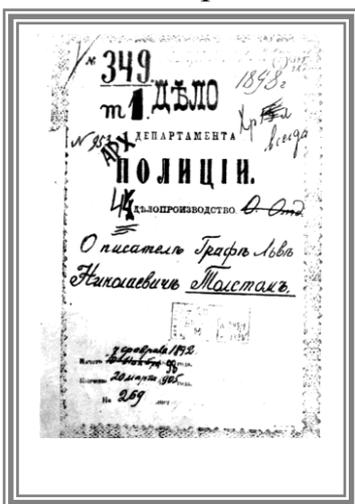
Среди объектов, требующих пристального внимания тайной полиции, фигурировал и Лев Николаевич Толстой. «Я, кажется, сильно на примете у синих (жандармов – В.Ч.) за свои статьи...», – отмечал Толстой в 1855 году в дневнике [2]. Спустя год, он писал В. В. Арсеньевой из Петербурга: «Оказывается, что я под присмотром тайной полиции...» [3]. И хотя в сохранившихся полицейских документах нет сведений о слежке за Толстым в эти годы, тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что «недреманное око» сначала III отделения Его императорского величества канцелярии, а затем сразу трех полицейских ведомств – Тульского губернского жандармского управления, Московского охранного отделения и Департамента полиции – держало его «под колпаком» на протяжении пятидесяти лет и особенно пристально – последнее тридцатилетие.

Один из современников писателя отмечал, что «дом графа Толстого (в Москве – В.Ч.) был постоянно окружен сыщиками, которые заходили так далеко в своей наглости, что даже заглядывали в комнаты через окна» [4]. Подтверждением тому является случай, рассказанный литератором В. Д. Григоровичем. Будучи однажды в Москве, он навестил Толстого и обратил внимание, что с улицы можно видеть, как Толстой пишет за столом. «Почему вы, Лев Николаевич, не закрываете окно шторой?» – спросил он писателя. «А чтобы полицейским было видно, кто у меня бывает, ведь они за мной следят, а

в щелку подглядывать тяжело. Надо же облегчить их труд» – ответил Толстой со свойственным ему юмором [5].

В Департамент полиции постоянно поступала агентурная информация не только о самом Толстом и его семье, но и о его связях, знакомых, последователях. Были здесь и сводки наружного наблюдения, и агентурные записки секретных сотрудников, и выписки из перлюстрированных писем. В секретных полицейских делах сосредоточивалось все, что появлялось в печати о Толстом как в России, так и за границей.

В рукописном отделе Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве хранятся многие дела Департамента полиции с материалами слежки за Толстым. Среди них обращает на себя внимание двухтомное дело № 349 «О

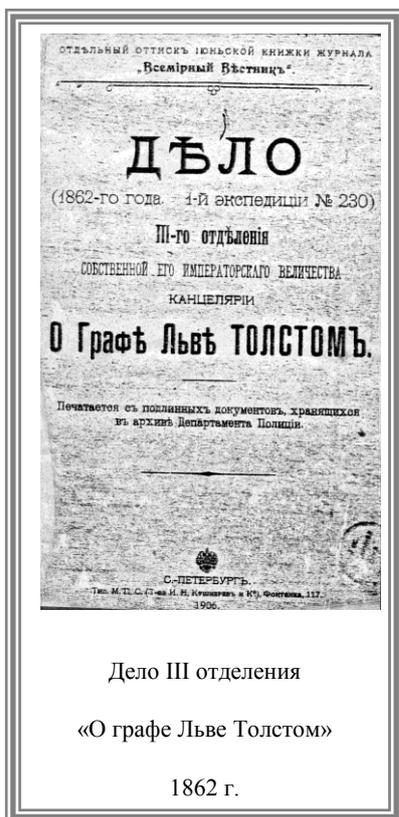
писателе графе Льве Николаевиче Толстом» с секретными документами за 1892–1905 годы. О том, что Департамент полиции придавал этому делу особое значение, можно судить по имеющимся на его обложке пометкам: первоначальная надпись «Хр(анить) 15 л(ет)» была перечеркнута, а вместо нее появилась новая – «Хр(анить) всегда» [6].

Царские жандармы использовали против Толстого все силы и средства, имеющиеся в их тайном арсенале, в том числе и секретных сотрудников. Следуя основному принципу своей деятельности – знать «вся и все», тайная полиция периодически засылала своих агентов под видом посетителей, «искателей истины», просителей, не только в московский дом писателя, но и в Ясную Поляну.

«...Сыщик для мелких ворюшек...»

Впервые III отделение заподозрило тридцатитрехлетнего Толстого в «неблагонадежности» осенью 1861 года. Именно в это время в Ясной Поляне появились исключенные из московского университета студенты, которых писатель пригласил в качестве учителей, для крестьянских детей в организованных им школах. Среди них был Алексей Соколов, состоящий под надзором полиции за участие в издании и распространении запрещенных антирелигиозных сочинений. Тульские жандармы установили за ним негласное наблюдение. Естественно, тайная слежка стала вестись и за графом Толстым.

Почти одновременно за Львом Николаевичем был учрежден тайный надзор и со стороны московской полиции. Частный пристав московской части Шляхтин, получив агентурные сведения, что граф Толстой, проживая в Москве, имел постоянные встречи с неблагонадежными студентами, поручил бывшему крестьянину из дворовых Михаилу Шипову следить за писателем, как в Москве, так и в Ясной Поляне.

По заданию полиции в феврале 1862 года Шипов под фамилией «Зимин» прибыл в Тулу «...следить за действиями графа Льва Толстого и за лицами, живущими у него в имении в с. «Ясная Поляна» [7]. О том, как Шипов–«Зимин» выполнил данное ему секретное поручение, мы узнаем из донесения тульского жандармского полковника А.М. Муратова. В начале июля того же года он сообщил в III отделение, что «Зимин», находясь в Туле, «...вел разгульную, нетрезвую жизнь, посещая гостиницы низшего разряда», а также «...распустил слухи, что он агент правительства, и что ему поручены важные секретные дела» по слежке за графом Толстым и лицами, живущими у него в Ясной Поляне [8].

Получив донесение Муратова, управляющий III отделением генерал-майор Потапов написал на нем резолюцию: «Хорош агент, но я удивляюсь, как можно было его выбрать, – это простой сыщик для мелких воришек, которого я знаю лично» [9].

Между тем Шипов, чувствуя надвигающуюся грозу, еще в мае уехал в Петербург, куда, по его сведениям, отправился Толстой. 14 мая 1862 года Лев Николаевич действительно выехал из Ясной Поляны, но не в Петербург, а в Самарскую губернию, для лечения кумысом. Не обнаружив в столице своего наблюдаемого, Шипов отправился на Фонтанку, где размещалось четырехэтажное здание III отделения. На приеме у Потапова он пытался узнать адрес графа Толстого. Однако генерал сообщил незадачливому сыщику о полученном из Тулы донесении и предупредил, что ему «будет нехорошо».

Предсказание Потапова вскоре оправдалось. Не успел Шипов приехать в Москву, как его тут же арестовали. Чтобы каким-то образом себя реабилитировать и оправдать растрату 315 рублей казенных денег, выданных ему на агентурные цели, Шипов на допросах начал давать такие «открытия» в отношении Толстого, насколько позволяла его буйная фантазия. В частности, он сообщил, что в Ясной Поляне у Толстого проживают «без всяких видов», т.е. паспортов, 26 студентов; что в доме у графа имеются потайные двери и лестницы, и даже телеграф, по которому он поддерживает связь со своими единомышленниками. Агент также поведал, что к Толстому в имение из Москвы были привезены «камни для литографии, шрифты, краска для печатания каких-то запрещенных книг...». Для пущей важности Шипов предупреждал московскую полицию, что в августе «Толстой намеревается отпечатать подпольный манифест по случаю тысячелетия России и этот документ уже находился у него на просмотре и отправлен за границу» [10].

Показания Шипова были доложены московскому генерал-губернатору Тучкову и тот счел необходимым ознакомить с ними генерала Потапова, препроводив в Петербург все имеющиеся материалы вместе с Шиповым. Несмотря на предупреждение Тучкова, что «Шипов есть такого рода личность,

на которую полагаться совершенно нельзя», шеф жандармов В.А. Долгоруков с согласия Александра II решил произвести у Толстого обыск, направив в Тулу жандармского полковника М.А. Дурново.

На рассвете 6 июля к графскому имению в Ясной Поляне подкатили, звеня колокольчиками, три почтовых тройки, на которых восседали жандармы во главе с Дурново. Два дня они искали тайную типографию и запрещенную литературу. Обыск производился по всем правилам сыскного искусства: перерыли в доме все вещи, просмотрели все бумаги, обшарили школы, где учились крестьянские дети, взломали ломом полы на конюшне. Пытались даже выловить рыбацкой сетью в пруду типографский станок, но вместо него им попадались только невинные караси да раки. Обыску подверглось не только яснополянское имение Толстого, но и сельские школы, открытые им в ближайших селах, а также родовое имение в с. Никольское Чернского уезда. О результатах обыска Дурново доложил своему шефу в обстоятельном рапорте, указывая, в частности, что при осмотре дома Толстого «не оказалось ни потайных дверей, ни потайных лестниц, литографированных камней и телеграфа тоже не оказалось» [11].

Узнав об обыске, Лев Николаевич был глубоко возмущен жандармским произволом, «Какое огромное счастье, что меня не было дома», – писал он впоследствии своей родственнице А.А. Толстой. «Если бы я был, то верно бы уже судился как убийца» [12]. 22 августа писатель написал жалобу царю, который, зная о результатах обыска, проявил «милость»: распорядился, «чтобы помянутая мера (т.е. обыск – В.Ч.) не имела собственно для графа Толстого никаких последствий» [13].

Следует также упомянуть, что, спустя год после произведенного в Ясной Поляне обыска, в III-е отделение вновь поступил донос на графа Льва Толстого. Секретный агент Петербургского обер-полицмейстера И.В. Аненкова бывший студент Технологического института Волгин сообщал, что граф Толстой кроме сношения с яснополянскими крестьянами поддерживает связи с московским университетом. По сведениям Волгина, агентом Толстого в Петербурге является сотрудник «Современника» Н.В. Успенский, ездивший «по России для узнавания духа простонародья» и в большом количестве распространявший между крестьянами брошюру Герцена «Крещенная собственность». Кроме того, Волгин упоминал о знакомом графа – П. Якушкине, который «успешнее всех действовал» и «давал также знать обо всем Герцену» [14.].

И хотя в III-м отделении были осведомлены о знакомстве Толстого с указанными лицами, но, помня шиповские «разоблачения», на этот раз сообщение тайного агента оставили без внимания. Основания к этому у жандармов были. Во-первых, часть информации Волгина была... двухгодичной давности, а вторую часть нельзя было проверить. Кроме того, в большинстве случаев сведения, получаемые от секретного сотрудника при проверке оказывались «липой». Жандармы и не догадывались, что землевольцы, которых «разрабатывал» Волгин, подозревали последнего в предательстве и снабжали его ложными сведениями.

Секретная миссия студента Симона

В начале лета 1886 года в деревне Ясная Поляна в избе одного из дворовых графа Толстого появился новый постоялец – студент из Петербурга Федор Симон. Это был стройный юноша с красивым женским лицом и большими карими глазами. Такой же мягкий и женственный в разговоре, он непроизвольно вызывал симпатию у собеседников. Вместе с ним приехала его жена Зиночка, молодая энергичная барышня, а также их 3-х летний сын.

Вскоре Симон почти ежедневно стал появляться в графском саду. Эти прогулки, казавшиеся на первый взгляд такими беззаботными, на самом деле имели определенную цель: встретить девятнадцатилетнего графа Илью Львовича.

Почему столичный студент так настойчиво искал встречи с сыном писателя?

Дело в том, что в апреле 1886 года Департамент полиции «из совершенно негласных источников» получил сведения, что в доме графа Толстого, проживающего в Москве, якобы имеется типография, где он печатает свои запрещенные статьи. Директор Департамента полиции Н.П. Дурново незамедлительно направил московскому обер-полицмейстеру А.А. Козлову секретное предписание, в котором требовал проверить «самым секретным образом, в какой мере изложенное известие заслуживает вероятия». Генерал Козлов сообщил ему, что заявления о тайной типографии в доме графа Толстого поступали несколько раз, «но путем негласного наблюдения и секретных разведок известия эти не подтвердились» [15].

Получив ответ московского обер-полицмейстера, Департамент полиции решил выяснить: а не находится ли эта типография в имении графа Толстого? Спустя несколько недель, в Ясной Поляне и появились «гости» из самого Петербурга. Федору Симону – секретному агенту столичной охраны – предстояло это выяснить.

.....Прежде чем отправить в Ясную Поляну своего агента, отцы столичной охраны разработали для него простую и вполне правдоподобную «легенду»: он студент, под влиянием учения Толстого решил «омужичиться», вместе с женой прибыл жить в деревню, чтобы познать крестьянский труд. Предполагалось «подойти» к Толстому с помощью его сына-гимназиста Ильи, находящегося в это время в Ясной Поляне.

С поставленной задачей Федя Симон успешно справился. Через несколько дней после прибытия в Ясную Поляну он подружился с графским сыном, а вскоре тот представил его своей матери – Софье Андреевне. Затем Федю познакомили с Львом Николаевичем, и студент из столицы стал частенько наведываться в графский дом. К нему привыкли и принимали, по словам Ильи Львовича, «просто и ласково как своего человека» [16].

.....С Львом Николаевичем Толстым у Симона сложились самые дружеские отношения. Вместе с ним он косил траву, рубил дрова, пахал землю, помогал деревенским крестьянам. Посещая имение Толстого, Федя общался с друзьями и единомышленниками Льва Николаевича, которые приезжали навестить писателя. Со временем Симон убедился, что в Ясной Поляне нет и никогда не было тайной типографии. Можно было возвращаться в Петербург, задание он выполнил. Однако общение с Толстым открыло ему глаза на многие вещи, заставив переосмыслить всю прежнюю свою жизнь. После долгих душевных терзаний Симон объявил жене, что он «делается мужиком» и навсегда остается в деревне.

Такое признание для жены было неожиданным. Поначалу она пыталась убедить мужа отказаться от принятого решения, но когда уговоры не помогли, разыграла сцену с отравлением, и Симон сдался. Заняв денег у Толстого, он в середине октября вместе с женой уехал в Петербург. Спустя несколько дней Лев Николаевич сообщал в письме художнику Н.Н. Ге: «Симон уехал, его жена увлекла... Какой чудный человек. Весь светится и горит. Тоже за него жутко, когда посмотришь с мирской точки зрения, а перенесешься в его душу, то так радостно и твердо» [17].

В течение года Толстой получил от Феди три письма. Последнее из них было как гром среди ясного неба: Симон признавался, что является... агентом тайной полиции и был командирован в Ясную Поляну, чтобы следить за ее жильцами и посетителями. Прочтя письмо, Лев Николаевич воскликнул: «Какой ужас! Какой ужас!...» [18].

И все же Симон нашел в себе мужество порвать с охранкой. В письме от 25 января 1888 года он сообщал Толстому: «...Волей-неволей, попав в центр борьбы страстей, я не мог оставаться покойным зрителем стонущих, что-то живое во мне начинало также стонать и болеть и я пошел в борьбу... У меня был обыск, меня преследуют по пятам...» [19]. Вскоре Симон вынужден вместе с семьей покинуть Петербург и уехать в Бирский уезд Уфимской губернии, где устроился работать помощником лесничего. С нового места жительства он продолжал посылать письма в Ясную Поляну. В августе 1908 года, в день своего 80-летия, Лев Николаевич получил поздравительную открытку с надписью: «Искренне желаю еще много лет чувствовать Ваши удары по нашей совести» [20]. Это была последняя весточка от бывшего секретного сотрудника тайной полиции Феди Симона.

«Бывший Тульской Жандармерии Шпион...»

Студент Федор Симон был первым, но не единственным агентом тайной полиции, испытавшим на себе толстовские «удары по совести». В

марте 1896 года в Туле была арестована врач Мария Холевинская, обвиняемая в распространении запрещенных произведений Л. Н. Толстого. Одновременно с ее арестом начальник Тульского ГЖУ полковник Миллер возбудил ходатайство перед Департаментом полиции о привлечении к дознанию в качестве обвиняемых графа Льва Толстого, как автора найденных преступных рукописей, а также его дочери Татьяны как распространительницы. Однако Департамент полиции своим циркуляром от 1 апреля 1896 года предписывал, что «ввиду особого занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя возбуждение против него преследования... может повлечь за собою крайне нежелательные последствия», а поэтому по согласованию с Министерством юстиции привлечение Толстого и его дочери к дознанию по делу Холевинской «признается в настоящее время нежелательным» [21].

Несмотря на такое указание из Петербурга, полковник Миллер не терял надежды отыскать новый компромат против Толстого. В начале мая в Ясную Поляну был командирован секретный агент Иван Егоров (из запасных фельдфебелей), который шесть раз в течение трех недель приезжал в имение Толстых, а также в деревню Ясенки, где расспрашивал крестьян об их беседах с графом, фиксировал всех посетителей Ясной Поляны [22]. К большому сожалению жандармов, отыскать какую-либо «крамолу» в действиях Толстого сыщику не удалось. Тогда полковник Миллер решил осуществить более сложную агентурную комбинацию.

В конце мая 1896 года в Ясной Поляне появился молодой человек, назвавшийся Прокофием Кирилловым, рабочим из Тулы. После беседы с Толстым он попросил дать ему почитать книги, а спустя несколько дней – и «что-нибудь нравственно-религиозного». Просьба Кириллова была удовлетворена, и он от дочери писателя Марии Львовны получил «Учение 12 Апостолов», «Гонение на христиан», «Царство Божие...» и другие запрещенные цензурой статьи Толстого.

Из разговоров с новым знакомым Лев Николаевич понял, что тот по своим убеждениям «нигилист и атеист». Их беседы нередко заканчивались жаркими спорами. «Я от всей души говорил ему все, что думаю», – писал впоследствии Толстой [23].

Жарким июньским днем Кириллов последний раз нанес визит в Ясную Поляну. Зайдя в кабинет писателя, он передал Толстому записку и сказал: «Прочтите, Лев Николаевич, а потом скажите, что вы обо мне думаете».

Толстой, ничего не подозревая, стал читать и был поражен ее содержанием. В записке говорилось, что податель ее является жандармским унтер-офицером, которого начальник Тульского губернского жандармского управления подослал к Толстому с целью выяснить, что делается в Ясной Поляне. Далее Кириллов сообщал, что он понял «гнуственность своей роли» и поэтому ему стало «нравственно невыносимо» и он во всем признается Толстому [23]. Со слов С.А. Толстой, раскаявшийся жандарм якобы говорил: «О чем я буду доносить?... Здесь все живут как святые...» [24].

Композитор С. И. Танеев, гостивший в это время в Ясной Поляне, отметил 6 июня в своем дневнике, что Лев Николаевич за ужином рассказал о человеке, который брал у него книги, а сегодня признался, «что он шпион, посланный жандармским полковником...» [25].

О чем именно говорил писатель с Кирилловым, прочтя записку, неизвестно, но на следующий день в письме к сыну Льву он сообщал, что от этого признания ему «было и жалко, и гадко, и приятно» [23]. Софья Андреевна, комментируя слова мужа, писала: «То, что правительство приставило его (Кириллова – В.Ч.) к должности шпиона, было противно Льву Николаевичу, но, с другой стороны, раскаяние и признание жандарма в том, что он делает дурное дело, доставило Льву Николаевичу радость» [24].

Вскоре Толстой получил от Кириллова письмо, в котором тот сообщал, что губернское начальство, узнав о случившемся, уволило его с жандармской службы. Спустя год, Толстой получил письмо из Одессы. «Хлеба доставать я научился, – писал Кириллов, – и, благодаря Вашим добрым советам, превратился из лежебоки и трутня в рабочего...». Описывая свои перипетии, он просил Льва Николаевича прислать ему несколько брошюр, так как от «жажды духовной и без умственной пищи» он приходит в «оцепенелое состояние». Письмо было подписано: «Бывший Тульской Жандармерии Шпион – П. Кириллов» [26].

Секретный сотрудник «Лебедев» сообщает...

Весной 1882 года. Лев Николаевич Толстой по настоянию жены, озабоченной необходимостью дать образование старшим детям, приехал в Москву, где вскоре у коллежского секретаря И.А. Арнаутова купил дом в

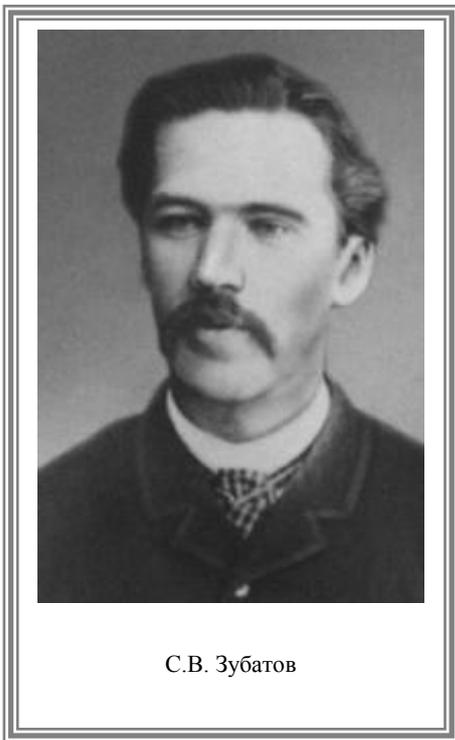

Дом Л.Н. Толстого в Хамовниках. Москва

Долгохамовническом переулке. В нем он прожил почти 20 лет, выезжая лишь на летние месяцы в Ясную Поляну. Сюда, в этот небольшой деревянный особняк в Хамовниках, огороженный дубовым забором с воротами, увенчанными резными буквами «ГТ» (Граф Толстой), приходили не только литераторы и художники, ученые и артисты, но и все, кто хотел увидеть и поговорить со знаменитым русским писателем.

Секретарь Льва Николаевича В.Ф. Булгаков, исследуя историю хамовнического дома Толстых, среди его многочисленных посетителей называет телеграфиста Сергея Зубатова [27].

Советский энциклопедический словарь указывает: «Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917), жандармский полковник, нач(альник) Моск(овского) охранного отделения (с 1896) и Особого отдела департамента полиции (1902–03), инициатор политики «полицейского социализма» в России (См. Зубатовщина) и создатель системы политического сыска» [28]. Заметим, что

С.В. Зубатов никогда не был жандармским полковником, а имел гражданский чин надворного советника.

Что привело печально знаменитого сыщика в дом Льва Толстого и когда это произошло? В.Ф. Булгаков не дает ответа на эти вопросы, относя Зубатова к числу посетителей, даты визитов которых не установлены. При этом автор высказывает надежду, «что при дальнейшем углубленном изучении материалов многих из этих посетителей удастся датировать более определенно» [29].

Нам представляется, что посещение Зубатовым московского дома писателя следует отнести к концу 1887 года. Именно в это время многие москвичи стали обладателями

нелегально отпечатанного на гектографе рассказа Л.Н. Толстого «Николай Палкин», поражавшего своей неприкрытой ненавистью к коронованным особам и к самодержавию в целом. С чувством нескрываемого отвращения Толстой писал о Петре I, называя его «беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем». Резкую характеристику получили Екатерина II – «...мужеубийца, ужасающая своим развратом блудница...» и Николай I, которого народ за его жестокость окрестил «Палкиным» [30]. Распространителем «Николая Палкина» был знакомый Толстого, в то время горячий его последователь, молодой преподаватель московской гимназии Михаил Новоселов. Получив недавно написанный писателем рассказ, он переписал его, а затем без согласия Льва Николаевича отгектографировал. Среди друзей Новоселова были студент Московского университета Лев Маресс и тульский телеграфист Митрофан Темерин, с которыми он и поделился новым произведением Толстого. Темерин, в свою очередь, дал почитать один экземпляр статьи коллеге из московского телеграфа Сергею Зубатову, не подозревая, что его знакомый является секретным сотрудником московской охраны (оперативный псевдоним «Лебедев»).

Естественно, о появлении «крамолы» сразу же стало известно жандармам. При этом Зубатов прибавил для пущей важности кое-что от себя. «Митрофан Темерин, близкий к кружку бывшего студента московского университета Михаила Новоселова, – сообщалось в справке Департамента полиции, – говорил секретному сотруднику Московского охранного отделения Лебедеву, что «означенный кружок отгектографировал брошюру графа Толстого «Николай Палкин» и воззвание по поводу приговора над крестьянами в Пензе, а также, что граф Толстой говорил, будто бы ему, Темерину, что в Петербурге, среди лиц, близко стоящих ко двору, существует якобы заговор на жизнь государя императора и что это дело будет почище 1-го марта» [31].

Информация секретного сотрудника требовала срочной агентурной разработки. С этого времени Лев Толстой, его близкие и знакомые стали объектами самого пристального внимания со стороны тайной полиции. Филерское наблюдение, установленное за домом Толстого, давало возможность выявлять лиц, приходивших к писателю, но знать, о чем они беседуют, охранке было еще важнее. Спустя некоторое время, среди «темных» (так С.А. Толстая называла «толстовцев») в хамовническом доме Толстых появился молодой человек с энергичным интеллигентным лицом, говоривший мягким, вкрадчивым голосом. Красивые каштановые волосы, зачесанные назад, подчеркивали его высокий лоб, и только угреватое лицо портило приятное впечатление. Этим молодым человеком был московский телеграфист Сергей Зубатов.

Знакомый писателя Л.П. Никифоров вспоминал: «Зубатов приходил, конечно, не для того, чтобы поучиться у Толстого или чтобы наслаждаться беседой с ним. Нет, он просто появился, чтобы пронюхать и чем-нибудь поживиться, а это было не трудно, так как толстовцы ничего не скрывали и делились всем, что было у них на душе, и подробно сообщали все, что делали и собирались делать» [32].

Далее Никифоров пишет, что к Новоселову и к его приятелю Льву Николаевичу Марессу начали приходиться какие-то господа с предложением продать двести экземпляров «Николая Палкина» для газеты «Русская мысль». Новоселов им ответил, что он не продает, а может дать только несколько экземпляров. Одновременно с этим Новоселов стал получать какие-то странные письма. Закончилась все тем, что накануне нового 1888 года Новоселов, Маресс и еще несколько их знакомых были арестованы. При обыске у них нашли запрещенную литературу, в том числе и гектографированный рассказ «Николай Палкин».

В ходе расследования жандармы установили, что Зубатов являлся активным участником распространения нелегальных изданий. Именно он снабжал обвиняемого Темерина запрещенными произведениями «Сказка о четырех братьях», «Житие Тихона Задонского» и т. д. Кроме того, он предлагал Темерину заняться гектографированием рукописи «Учение духовных христиан», обещая выдавать ежемесячно 25 рублей на расходы.

На допросах Зубатов вину свою отрицал, указывая, что его «революционная» деятельность происходила согласно инструкциям начальника московской охранки Н.С. Бердяева и департамента полиции. «Он, Зубатов, – говорится в «Справке об агентурной деятельности и службе С. В. Зубатова», – вступил в сношения с революционной средой, но с единственной целью, чтобы успешнее раскрыть преступные замыслы врагов существующего государственного строя» [33].

Министр юстиции предложил подвергнуть Зубатова гласному надзору полиции по месту жительства на два года, но Департамент полиции признал целесообразным дело в отношении него прекратить «ввиду оказанных им правительству услуг» [34], что и было сделано. Новоселов и его друзья из-под стражи были освобождены и подвергнуты административному надзору.

Зубатов же как секретный сотрудник для охраны был потерян, так как о его предательстве стало известно революционерам. Поэтому в январе 1889 года появился приказ московского обер-полицмейстера, согласно которому в штат московской полиции определялся по найму с прикомандированием к охранному отделению «отставной телеграфист 3-го разряда из обер-офицерских детей Сергей Васильевич Зубатов» [35].

«Фотограф-любитель» Владимир Кривош

7 февраля 1897 года Л.Н. Толстой прибыл на несколько дней в Петербург, чтобы попрощаться со своими друзьями и последователями В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым, которым предстояла высылка в административном порядке за их деятельность в защиту духоборов. В один из этих дней знакомый В.Г. Черткова словак Владимир Кривош сделал на память

несколько любительских фотоснимков. На одном из них Толстой запечатлен во дворе дома Чертковых вместе с друзьями и знакомыми, среди которых были два словака: Альберт Шкарван и Владимир Кривош [36].

То, что фотосъемка производилась Кривошем, установлено достоверно из воспоминаний современников – очевидцев тех событий. Кроме того, на обороте одной из «толстовских» фотографий, хранящейся в Пушкинском доме, имеется штамп «Фотограф-

любитель Кривош» [37]. Точная же дата фотографирования до недавнего времени оставалась неизвестной. В различных изданиях, где помещена репродукция этого снимка, как правило, указывается: «февраль» или «7–12 февраля» 1897 г., т.е. время пребывания писателя в Петербурге [38]. Проведенное нами исследование, дало основание утверждать, что Владимир Кривош фотографировал Льва Николаевича Толстого в кругу друзей и знакомых 8 февраля 1897 г. [39].

Личность автора петербургских фотографий Льва Толстого Владимира Кривоша толстоведам хорошо знакома, хотя в именном указателе Полного собрания сочинений Л.Н.Толстого (Юб. изд.) его фамилия не упоминается. Родился В.И. Кривош (1865–1942) в Венгрии, в середине 80-х переехал в Россию, приняв русское подданство, знал 24 языка, служил цензором иностранных газет и журналов петербургского почтамта, во время Первой мировой войны был переводчиком в штабе генерала Брусилова. По подозрению в шпионаже был арестован контрразведкой, однако следствие

вину его не доказало. По решению властей, был «оставлен в подозрении» и выслан в Сибирь, откуда вернулся только после падения самодержавия. После прихода к власти большевиков работал в Наркомате иностранных дел, ВЧК-ОГПУ. Вторую половину 20-х годов «провел» на Севере (Соловках). Вернувшись, проживал в Москве. Осенью 1941 г. был эвакуирован на Урал, где и умер. [40].

Попробуем реконструировать события тех далеких дней начала 1897 года. В двадцатых числах января словак – толстовец Шкарван поселяется в доме Черткова, за которым установлен негласный полицейский надзор. С помощью *наружного* наблюдения тайной полиции известно *кто посещает* опального Черткова, но неизвестно *о чем они говорят*. Поэтому для *внутреннего* наблюдения и появляется в доме Чертковых земляк Шкарвана – тайный агент «охранки», «фотограф – любитель» Владимир Кривош.

Что касается фотографирования, то можно согласиться с утверждением Л.С. Кишкина, что именно Кривош был *инициатором* фотосъемки Льва Толстого в окружении друзей и знакомых во дворе Чертковых [41]. Этот

снимок, по нашему глубокому убеждению, нужен был, прежде всего, ... «охранке», чтобы по нему сверять «сведения» филеров, где указывались приметы наблюдаемых, с одеждою лиц, запечатленных на фотоснимке. Осуществляя фотосъемку Кривош убивал сразу трех зайцев: делал на память «подарок» толстовцам, «увековечивал» себя (рядом с Л.Толстым!) и предоставлял «охранке» *опознавательный* материал.

Таким образом, имеющиеся материалы о Владимире Кривоше дают все основания утверждать, что в 1897 году он кроме работы в «черном кабинете» петербургского почтамта выступал также в роли секретного сотрудника спецслужб. Его появление в январе – феврале 1897 года. в доме Чертковых, фотографирование

Л.Н. Толстого в окружении друзей и знакомых, было осуществлено с разведывательной целью по заданию Департамента полиции [42].

«Доносить на своих товарищей считаю ужасным, нехорошим делом...»

.....В предпасхальную субботу 17 апреля 1910 года, около двух часов дня, возле графского дома в Ясной Поляне появился очередной посетитель – молодой красивый юноша в гимназической форме.

Л.Н. Толстой с секретарем В.Ф. Булгаковым

– Что вам угодно? – спросил его секретарь писателя В.Ф. Булгаков. – Я хотел бы переговорить с Львом Николаевичем по очень важному вопросу.

– Не могли бы вы сказать по какому именно? – поинтересовался секретарь.

– Нет, – решительно ответил гимназист, а затем неожиданно для Булгакова спросил:

– А как Толстой относится к революционерам?

Валентин Федорович решив, что перед ним именно один из них, стал объяснять, стараясь не обидеть молодого человека, что Лев Николаевич отрицательно относится не только к правительственной деятельности, но и к революционной тоже. Такой ответ, как показалось Булгакову, вполне удовлетворил гимназиста, и он снова стал настаивать на встрече с Толстым.

Предложив юноше подождать на террасе, Булгаков зашел в дом и сообщил Льву Николаевичу о посетителе. Толстой спустился к ожидавшему гимназисту, и между ними завязалась оживленная беседа...

Каково же было удивление секретаря, когда он увидел возвращающегося писателя в очень возбужденном состоянии.

– Что с вами, Лев Николаевич? – спросил Булгаков.

– Этот юноша признался мне, что он – шпион, состоящий на службе у правительства и доносящий властям о действиях революционных кружков, с которыми близок, – с выражением ужаса на лице сообщил Толстой. – Молодой человек ожидал от меня одобрения своей деятельности, зачем и приехал ко мне.

– И что вы ему ответили?

– Я сказал ему, что доносить на своих товарищей считаю ужасным, нехорошим делом! [43].

О необычном визите гимназиста Толстой записал в дневнике: «Вчера посетитель: шпион, служивший в полиции и стрелявший в революционеров, пришел, ожидая моего сочувствия». [44].

Отголоски этого события нашли отражение и в дневнике домашнего доктора Толстых Д.П. Маковицкого, записавшего в воскресенье, 18 апреля, что Лев Николаевич рассказывал о бывшем у него студенте – поляке, который «был против революции

Д.П. Маковицкий

и поступил на службу в полицию, в шпионы». Студент надеялся найти у писателя сочувствие, однако Толстой ответил ему, что он жалеет, что тот «дурным делом занялся» [45].

«Блондинка» в Ясной Поляне.

Лев Николаевич Толстой не давал покоя царской охранке даже после своей смерти. Не прошло и двух недель после его похорон, как начальник московского охранного отделения П.П. Заварзин получил шифрованную телеграмму от директора Департамента полиции, в которой предлагалось немедленно командировать двух опытных, толковых сотрудников в Ясную Поляну, с поручением посетить могилу писателя и имение его ближайшего сподвижника В.Г. Черткова и выяснить «характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у Черткова» [46]. Начальник московской охранки посчитал, что для выполнения задания достаточно будет и одного толкового секретного сотрудника, недавно завербованного агента по кличке «Блондинка».

В понедельник, 22 ноября 1910 года, «Блондинка» утренним московским поездом отправился в Ясную Поляну. Сбор информации он начал уже в пути: беседовал с кондукторами в вагонах, поговорил с жандармским унтер-офицером на станции Козлова Засека, расспрашивал возницу, добираясь на телеге в Ясную Поляну. «Толковые ответы, к которым можно отнестись с доверием, – писал впоследствии агент в своем донесении, – давал служащий в Тульском казначействе Василий Зябрик, гостивший в эти дни в Ясной Поляне, хозяин избы, где я остановилась, – Прохор Зябрик, уравновешенный и положительный мужик, а также очень разговорчивая, а потому ценная, его жена».

Т.А. Кузминская

Заслуживающие внимания сведения, по словам секретного сотрудника, ему удалось почерпнуть «из живой перекрестной беседы» с яснополянскими бабами и ребятишками, а также крестьянами, собиравшимися в избе Прохора Зябрика.

Посетив могилу Толстого, «Блондинка» побывал в доме, где довольно продолжительно беседовал с лакеем, Т.А. Кузминской (сестрой С.А. Толстой), а также племянницей писателя, «которая была очень любезна и словоохотлива во время осмотра толстовского дома». Расписываясь в книге посетителей, секретный сотрудник внимательно просмотрел ее, однако

в записях за последние дни недели ему «не удалось заметить мало-мальски видных имен».

Имея из Москвы рекомендательное письмо, «Блондинка» посетил домашнего врача Толстых Д.П. Маковицкого, с которым беседовал дважды. Получив от доктора рекомендательное письмо, секретный сотрудник отправился в деревню Телятинки, к Черткову, где ему был оказан «теплый доверительный прием». Кроме Черткова он беседовал с его сыном, а также

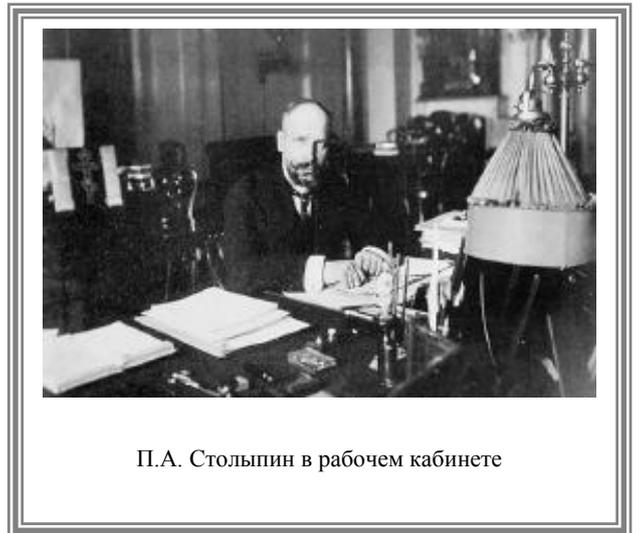
В.Г. Чертков в кругу семьи

бывшим секретарем Толстого В.Ф. Булгаковым, который являлся «проверочной инстанцией услышанного от Черткова и его сына». Чтобы охватить наблюдением наиболее обширный район, агент объехал почти все деревни, примыкающие к Ясной Поляне, побывал в сельце Ясенки, на хуторе дочери писателя Т.Л. Сухотиной – Толстой и возвратился в Москву.

Через два дня «Блондинка» представил своему шефу обширное, состоящее из трех разделов, агентурное сообщение, где очень подробно излагалась информация по всем интересующим охранку вопросам. «Могу констатировать, – отмечал агент, – что влияние идей Толстого и следы пропаганды чувствуются на каждом шагу, особенно среди деревенской

молодежи». [47]. Ввиду особой ценности добытых сведений, агентурное сообщение «Блондинки» было представлено лично министру внутренних дел П.А. Столыпину.

Кто же скрывался под интригующей кличкой «Блондинка»? После Февральской революции 1917 года, когда стали доступны архивы Департамента полиции, удалось установить его личность. Им оказался журналист, сотрудник газет «Киевская Мысль» и «Русское Слово» Иван Дриллик. Это был один из наиболее высокооплачиваемых агентов московского охранного отделения, получавший за свои «труды» 150 руб. ежемесячно [48].

П.А. Столыпин в рабочем кабинете

Список использованной литературы:

1. Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. – М., 1918. – С. 37.
2. Толстой Л.Н. ПСС (Юб. изд.). – Т.17. – С.148.
3. Толстой Л.Н. ПСС. – Т.18. – С.423.
4. Стадлинг Ю.С. С Толстым на голоде в России // Прометей. – 1980, – № 12. – С. 316.
5. Цікаві бувальщини. – К., 1974. –С. 103.
6. Н-ский Б.. Л.Н. Толстой и департамент полиции // Былое. – 1918. - №3. – С. 204.

7. Дело III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии «О графе Льве Толстом». – СПб., 1906. – С. 10.
8. Там же.
9. Там же. – С. 9.
10. Там же. – С. 40-44.
11. Там же. – С. 51-55.
12. Толстовский музей. Т.1. Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857-1903. – СПб., 1911. – С. 166.
- 13.. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год.. – М., 1957. – С. 504. Подробнее об обыске в Ясной Поляне см.: Бирюков П. Лев Николаевич Толстой. Биография. – Т.1. – Изд. 2-е. – М., 1911. – С. 481-489; Ильинский И. Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г. // Звенья. – 1932. – № 1. - С.324-412; Николаев М.П. Толстой и царские жандармы // Яснополянский сборник. – 1965. – С. 31-35; Тарасов А. Дело графа Льва Толстого // Милиция. – 2000. - № 2. – С. 49-51; Чисников В.Н. Жандармский обыск в Ясной Поляне // В мире спецслужб. – 2006. – №3 (15). – С. 36-41.
14. Герцен А.И. ПСС. – Т. XVI. – Пг., 1920. – С. 162.
15. Типография Л.Н. Толстого // Былое. – 1917. - №2. – С. 19.
16. Толстой И.Л. Мои воспоминания. – М., 1969. – С. 164-165.
17. Толстой Л.Н. ПСС. – Т.63. – С.400.
18. Тенеромо И. Живые слова Л.Н. Толстого. – М., 1912. – С. 168.
- 19.. РО ГМТ. Письмо Ф. Симона от 25.01. 1888 г.
20. Там же. Открытое письмо Ф. Симона от 25.08. 1888 г.
Подробнее о Ф.П. Симоне см.: Чисников В.Н. Федя Протасов – агент Охранки?! Загадка пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп» // Нева. – 2013. - №1. – С. 211-225.
21. РО ГМТ. Дело Департамента полиции № 349. Ч.2 «Записки об учении графа Л.Н. Толстого». – Л. 33.
22. Петухов А.А. Беседы с тульскими рабочими // Сов. архивы. – 1978. – № 5. – С. 98.
23. Толстой Л.Н. ПСС. – Т.69. – С.105.
24. Толстая С.А. Моя жизнь // Новый мир. – 1978. – №8. – С. 118.
- 25.. Танеев С.И. Дневники. – Кн. 1.1894-1898. – М., 1981. – С. 158.
26. Подробнее о П.Т. Кириллове см. Чисников В.. «Бывший тульской жандармерии шпион» // Коммунар (Тула). – 1988. – 18 августа; его же.
«Шпион кается». Ненаписанный рассказ Льва Толстого для «Круга чтения» // Нева. – 2014. - № 2. – С. 194-200.
27. Булгаков В.Ф. История дома Льва Толстого в Москве // Летопись гос. лит. музея. – Кн. 12. – М., 1948. – С. 544.
28. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 474.
29. Булгаков В.Ф. Указ. соч. – С. 543.

30. Апостолов Н.Н. Лев Толстой и русское самодержавие. – М.-Л., 1930. – С. 94-95.
31. Н-ский Б.. Л.Н. Толстой и департамент полиции // Былое. – 1918. - №3. – С. 209.
32. Никифоров Л.П. Воспоминания о Л.Н. Толстом // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – Т.1.- М., 1960,. – С. 327-328.
33. РГИА. – Ф. 1405. – Оп.539. – Д. 147. – Л.д. 2.
34. Там же. – Л.д. 3.
35. Там же. Подробнее о С.В. Зубатове см.: Чисников В.Н. Л.Н. Толстой и С.В. Зубатов // Русская классика: проблемы интерпретации (материалы научно-практической конференции) - Липецк, 2002.- С. 78-87.; его же. Сергей Зубатов – секретный сотрудник охраны // В мире спецслужб. – 2004. - № 8. – С. 66-69.
36. Толстой в жизни. – Тула, 1988. – Т. 2. – С. 144.
37. Кишкин Л.С. О чем напомнила старая фотография // Сов. славяноведение. – 1967. - № 2. – С. 62.
38. Описание материалов Пушкинского Дома. Л.Н. Толстой. – М., 1954. – Т.3.- С.115; Толстой в жизни. Т.2. – С. 209-210.
39. Чисников В.Н. Загадка старой фотографии // Шпион. – 1998. – Вып. 10. – С. 117-122; его же. Л.Н.Толстой в Петербурге в феврале 1897 года :поиски и находки // Нева. – 2016. - №2. – С. 209-212.
40. Чисников В.Н. Владимир Кривош: «оставить в подозрении» // Нева. – 2008. - № 7. – С. 216-224.
41. Кишкин Л.С. Указ соч. – С. 64.
42. Подробнее о В.И. Кривоше см.: Зданович А.А. , Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. – М., 2007.
43. Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год жизни. – М., 1957. – С. 186.
44. Толстой Л.Н. Соб. соч. в 22 т. – М.1985, – Т.22. – С. 377.
45. Литературное наследство. Т. 90 . У Толстого. 1904-1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. – М., 1979. - . Кн.4. – С. 226.;
46. «Блондинка» в Ясной Поляне в 1910 году (записки секретного сотрудника) // Былое. – 1917. - №3. – С. 196.
47. Там же. – С. 207.
48. Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. – М., 1919. – С. 20, 65.

Путенихин Валерий Петрович,

*заведующий лабораторией дендрологии и лесной селекции Ботанического сада-института Уфимского научного центра Российской академии наук
доктор биологических наук (г. Уфа)*

Осведомитель охраны Ф.П. Симон – как сложилась его судьба после посещения Ясной Поляны?

Федор Павлович Симон родился в 1861 г. в г. Москве в небогатой семье военного [4, 6, 7]. В конце 1870-х годов Федя Симон окончил Тульское реальное училище, в начале 80-х продолжил обучение в Реальном училище в г. Орле. В 1882 г. у Симона родился сын, названный по отцу Федором. В 1884 г. Федор Павлович поступил в Санкт-Петербургский лесной институт. По окончании 2-го курса студент Симон вместе с женой и 3-летним сыном на время летних каникул (с 21 июня по 11 сентября 1886 г.) приезжает в имение Л.Н. Толстого – Ясную Поляну.

Случилось так, что еще в период учебы в Орловском реальном училище Федор Симон попал под влияние лиц, высказывавших крамольные взгляды [6]. На Симона было заведено политическое дело, что лишало его возможности поступления в институт. Тогда ему предложили стать осведомителем Охранки и получить взамен право на учебу в институте. В 1886 г. именно на Симона была возложена неблагоприятная миссия слежки за Л.Н. Толстым. Командированный в Ясную Поляну студент достаточно быстро познакомился с Львом Николаевичем, приобщился к крестьянскому труду, выполнял вместе с графом различные хозяйственные работы, увлеченно обсуждал философские и религиозные темы. Более того, Лев Николаевич был просто очарован образованным и красноречивым собеседником: «Какой чудный человек. Весь светится и горит» – писал о нем Толстой в середине октября 1886 г. одному из своих многочисленных корреспондентов [2, с. 400].

Но, как следует из разысканий В.Н. Чисникова [6, 7], Ф.П. Симон так и не сообщил в Департамент полиции ничего плохого о своем «поднадзорном». Более того, он, судя по всему, сам приобщился к «толстовскому» учению, став за эти 3 месяца горячим его приверженцем. Нужно отдать должное Симону: осенью 1887 г. он пишет Льву Николаевичу письмо, в котором мужественно признается во всем. В конце 1887 г. или в начале 1888 г. Ф.П. Симон окончательно порывает с Охранкой: в письме от 25 января 1888 г. он сообщает Толстому: «У меня был обыск, меня преследуют по пятам...» [6, с. 220].

Нужно еще добавить, что по обоснованному мнению В.Н. Чисникова [7] Федя Симон стал одним из главных прототипов Феди Протасова в пьесе Толстого «Живой труп».

В 1888 г. Федор Павлович оканчивает Лесной институт и устраивается вольнослушателем в Университет, занимается перепиской лекций. К концу 1889 г. он принимает решение резко переменить ход событий в своей жизни. Работа в Петербурге не приносила ни удовлетворения, ни заработка, семья бедствовала. Молодой человек, вероятно, испытывал острую неудовлетворенность от осознания того, что полученная в институте специальность оставалась нереализованной. Ему хотелось живой работы – в лесу, на лоне природы! А найдено для работы было не самое ближнее место – Уфимская губерния, чуть ли не край света по тогдашним меркам! В самом начале 1890 г. Симоны всем семейством прибывают на место назначения: 9 февраля 1890 г. Ф.П. Симон отправляет Л.Н. Толстому письмо, которое заканчивается следующими словами: «Пишите мне. Адрес. Уфимской губернии, Бирского уезда. Во 2-е Бирское лесничество, в с. Ангосяк. Помощнику лесничего. Симон» (Отдел рукописей ГМТ Ф.1 №168/4). Итак, местом его службы стало нынешнее с. Ангасяк Бирского района Республики Башкортостан.

В письме нет никаких подробностей относительно службы в лесничестве (да и служба ведь только началась...). Но в словах, обращенных к Толстому, чувствуется приподнятое настроение, какое-то щемящее ожидание новых впечатлений, энергичное желание работать! Прочитав некоторые строки: «Не во внешности [т.е. во внешнем мире; примечание мое – В. Путенихин] нужно искать устройства и порядка, а лишь в самом себе. ... Дорогой мой, как хорошо, когда ... все, что накопилось вновь грязного, очищается, и сердце чувствует жизнь с Миром». В личном плане Симон сообщает следующее: «В семье моей полный лад и согласие, и я мирно иду по пути земному... Жена моя покойна, ведет с радостью хозяйство и работает сама. Мы с нею слились снова душою, ибо оба веруем в Господа Всемогушего». 22 февраля 1890 г. Лев Николаевич ответил письмом, первая фраза которого звучит так: «Я вас очень помню и вспоминал про вас и рад очень получить известие о вас...» [3, с. 34].

Симонъ

Рис. 1. Федор Павлович Симон

Сведений о бирском периоде жизни и деятельности Ф.П. Симона пока найти не удалось. Не исключено, что во время отпуска 1890/1891 г. он ездил в Москву, чтобы навестить родственников, и может быть тогда была сделана фотография, которая хранится в Государственном архиве РФ в г. Москве (Ф. 1742, оп. 1, Д. 33028, л. 1), о чем мне любезно сообщил В.Н.

Чисников.

Примерно в 1892 [1] или 1893 г. [4] Ф.П. Симона приглашают, с повышением в должности, на новое место службы – в соседнюю Оренбургскую губернию на вакансию лесничего Вознесенской лесной дачи («Вознесенского бора») Оренбургского лесничества. Территория дачи, лесоуправителем которой стал Симон, сегодня полностью располагаются в пределах Республики Башкортостан. Живописно-дикое место, где располагалась контора лесничества (хутор Вознесенский завод на р. Белой в устье р. Иргизлы, ныне д. Иргизлы Бурзянского района Республики Башкортостан), и все обширные горнолесные окрестности и сегодня остаются труднодоступными, а во времена Симона и подавно были настоящей глухоманью!

Ранее я уже довольно подробно охарактеризовал лесохозяйственную и научно-исследовательскую деятельность Ф.П. Симона в регионе [4]. Многие вопросы освещены также М.Н. Косаревым; приведу следующую цитату из его публикации [1, с. 49]: «Нет другого исследователя-энтузиаста той эпохи, который, находясь в глуши в добровольной ссылке, так много сделал для описания и процветания здешнего края. ... Он осуществлял охрану лесов, содействовал работе не одного с трудом пробиравшегося сюда ученого, был лесоводом, географом, геологом, этнографом, историком в одном лице, вел активную пропагандистскую и просветительскую работы, обеспечил первое экскурсионное обустройство Каповой пещеры, много сделал для улучшения жизни и быта местного населения».

В кратком виде изложу дальнейшие вехи жизни Ф.П. Симона [4]. В течение 1894 г. новый лесничий активизирует производственные работы и одновременно приступает к естественнонаучным изысканиям. Он, в частности, проводит наблюдения за погодой и массовым размножением шелкопряда-монашенки в лесах Вознесенского бора. К натуралистской работе в лесу он привлекает сына Федора: в 1895-1896 г. младший и старший Симоны собирают в Вознесенском бору достаточно солидную коллекцию бабочек, коей заинтересовался и которую впоследствии подробно описал известный оренбургский географ Д.Н. Соколов.

В 1893-1895 гг. Федор Павлович посещает многие места в подведомственном ему районе: глухие лесные урочища, грандиозные каньоны долины Белой и ее притоков (рис. 2). Красота и первозданность этих малоизученных мест восхищают лесничего, стимулируют его творческие задатки. Впечатления выливаются в чудесный научно-познавательный очерк под названием «Из картин Оренбургского края», который он отправляет в популярный петербургский журнал «Новое слово».

К 1896 г. Ф.П. Симон официально числится в звании ученого лесовода I разряда и должности лесничего Оренбургского лесничества, становится членом Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 3 марта 1896 г. вместе с Д.Н. Соколовым и своим помощником, ученым-лесоводом И. Заневским, Ф.П. Симон посещает знаменитую уже тогда Капову пещеру (Шульган-Таш). Чуть позже исследователи публикуют

подробное описание пещеры, не утратившее своей ценности в спелеологическом и историческом плане до сего времени. В том же 1896 г. Оренбургским отделом ИРГО была организована летняя командировочная поездка Ф.П. Симона, Д.Н. Соколова и геолога Ф.В. Стебельского в междуречье Малого Ика и Белой – самую дикую и неизведанную часть Вознесенской лесной дачи.

Рис. 2. В этих местах работал Ф.П. Симон (р. Белая в окрестностях Каповой пещеры, Бурзянский район РБ)

К 1897 г. Ф.П. Симон накапливает значительный материал по состоянию и развитию лесной промышленности в регионе (объемах производства лесных товаров, ценах на них, размерах торговых оборотов, организации лесохозяйственных работ, оплате труда рабочих). Эти данные он сначала публикует в краткой популярной форме в Оренбургских губернских ведомостях, затем – в Лесном журнале. В 1898 г. Ф.П. Симон продолжает исследование природы Воскресенского бора, рассматривает историю его хозяйственного освоения и научного изучения. Была начата также работа по созданию метеорологического пункта на центральной усадьбе лесничества. В 1899 г. он участвует в губернском съезде лесничих Уфимской и Оренбургской губерний, состоявшемся в г. Уфе под председательством Уфимского губернатора. К 1901 г. Ф.П. Симон завершает работы по устройству метеопункта.

После 1901 г. сведения о Ф.П. Симоне странным образом обрываются. Нужно полагать, в это время, наряду со своей прямой производственной работой, он занимался обработкой и анализом многочисленных научных данных, полученных, начиная с 1892 (1893) года. Скорее всего, основа его итоговой статьи о лесах южной части Уральских гор, опубликованной в 1910

г. [5], была подготовлена в этот последний «незадокументированный» отрезок иргизлинского этапа жизни.

В 1903 г. сын нашего героя заканчивает обучение в Оренбургском реальном училище и принимает решение поступать в Санкт-Петербургский лесной институт. Видимо, это было одним из главных обстоятельств, побудивших семью снова поменять место жительства и работы. Предполагаю, что Ф.П. Симон покинул Вознесенский завод летом 1903 г. Более чем десятилетний период активной деятельности «в глуши Вознесенского бора» закончился.

5 сентября 1903 г. Федор Павлович пишет Л.Н. Толстому еще одно письмо; на конверте указано: «Отп. Ф.П. Симон, Белебей Уфимской губернии»; на почтовом штемпеле дата неразборчива – 10(?) .IX.03 (Отдел рукописей ГМТ Ф.1 №168/5). Письмо очень короткое, без личных подробностей: «Приветствую Вас, глубокоуважаемый Лев Николаевич, следующим изречением Эпиктета: «Ну что же? Ведь и справедливо, чтобы люди имели больше того, чего они добиваются. Они трудились, чтобы быть богатыми и достигнуть власти; а я трудился чтобы правильно думать и хорошо жить. Они получили то, что искали, а ты получишь то, чего добиваешься... Привет нашей глубокоуважаемой Софье Андреевне...».

В Белебеевском уезде (ныне Белебеевский район Республики Башкортостан) Ф.П. Симон работал в должности ревизора Усень-Ивановской лесной дачи. Сколь долго он прослужил на этом месте – неизвестно. Во всяком случае, в 1908 г. Федор Павлович находился уже далеко за пределами Уфимской губернии: поздравительная открытка Л.Н. Толстому от 25 августа 1908 г. по случаю 80-летия писателя отправлена из г. Себож (возможно, нынешний г. Себеж в Псковской области). Подпись на открытке гласит: «Искренне желаю еще много лет чувствовать Ваши удары по нашей совести. Ф. Симон» [7, с. 221]

12 декабря 1909 г. Ф.П. Симон участвует в заседании Санкт-Петербургского лесного общества. Докладчик подробно сообщает об итогах своих исследований на Южном Урале, а присутствующий на заседании знаменитый ученый, один из основоположников отечественного лесоводства, Г.Ф. Морозов делает по докладу пометки и замечания, которые публикует в выпуске № 4-5 Лесного журнала за 1910 г. В 10-м выпуске журнала того же года по материалам доклада выходит и важнейшая статья самого Симона [5], о которой говорилось выше. Всего же по итогам работы в Оренбургской и Уфимской губерниях им было опубликовано, по крайней мере, 12 научных работ [4].

Согласно «Памятной книге и Адрес-календарю Орловской губернии» Федор Павлович в последние годы жизни проживал по адресу: д. Алтухово, Радутинская дача, казенный дом (Орловская губерния, Севский уезд), работал до 1916 г. лесничим Радутино-Никольского лесничества; гражданский чин – коллежский советник. Исходя из этого, умер Ф.П. Симон после 1916 г. Сын Федора Павловича, Федор Федорович Симон (1882-1940), стал крупным

советским лесоводом, профессором, одним из инициаторов учреждения в 1930 г. Уральского лесотехнического института в г. Свердловске.

Несостоявшийся агент Охранки Федор Павлович Симон прожил интересную, богатую событиями жизнь, внес значительный вклад в изучение природы Южного Урала, воспитал достойного сына-профессора. Важную позитивную роль в его судьбе сыграл Лев Николаевич Толстой: мне кажется, именно толстовские идеи во многом подпитывали его творческий путь!

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев М.Н. Из наследия Ф.П. Симона: о прошлой хозяйственной деятельности и исторических событиях в восточной части Национального парка «Башкирия» // Экологические аспекты сохранения биологического разнообразия Национального парка «Башкирия» и других территорий Южного Урала. Уфа: Информреклама, 2007. С. 41-49.

2. Полное собрание сочинений. Том 63. Письма 1880-1886 гг. / Л.Н. Толстой; под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1934. XIII, 525 с.

3. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 65. Письма 1890-1891 (январь – июнь) гг. / Л.Н. Толстой; ред. и комментарии В.А. Верховского, В.С. Мишина. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1953. XXVI, 376 с.

4. Путенихин В.П. Лесничий Ф.П. Симон – исследователь природы Южного Урала (биография) // Эколого-географические проблемы регионов России: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т; Глагол, 2016. – С. 16-31.

5. Симон Ф. В лесах Общего Сырта. (Из записок лесничего) // Лесной журнал. 1910. Вып. 10. С. 1119-1141.

6. Чисников В.Н. Федя Протасов и Федя Симон (к вопросу о прототипах пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп») // Толстовский сборник – 2013. Л.Н. Толстой и судьбы современной цивилизации: Мат-лы XXIX Междунар. Толстовский чтений, посв. 175-лет. со дня рожд. Л.Н. Толстого. Ч. I. Литературоведение и лингвистика. Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2003. С. 104-121.

7. Чисников В.Н. Федя Протасов – агент Охранки?! Загадки пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп» // Нева. 2013. № 1. С. 211-225.

Кузьмичева Ольга Николаевна,

*заведующая литературной частью Тульского академического
драматического театра им. М. Горького*

19 сентября 2012 года

Премьера

Л.Н. Толстой

ВОСКРЕСЕНИЕ

путь к себе в 2-х частях

Режиссер-постановщик Дмитрий КРАСНОВ
Сценография и костюмы Ирины БЛОХИНОЙ

Обращаясь к произведениям Л.Н. Толстого, тульский театр всегда находит свою особую интонацию, свой ключ к воплощению написанного великим земляком. Роман «Воскресение» на тульских подмостках никогда не имел своей сценической версии.

... Все случилось так, как случается в юности у пылких сердец: веселый и беззаботный молодой князь Нехлюдов, приехав в имение к тетушкам, сразу увидел ее, горничную Катюшу, с румянцем во всю щеку, взволнованную, улыбающуюся, в чистом белом фартуке. И произошло то, что не могло не произойти.

Он уехал. Все быстро улетело и забылось в вихре жизни...

Сейчас гвардии поручик князь Дмитрий Иванович Нехлюдов – член суда присяжных, уважаемый, с безупречной репутацией человек. И судьба вновь сталкивает князя с ней, Катюшей Масловой! С ней ли? Как она изменилась! Что случилось? Кто виноват? Что стало с ней! Во всем обвинив себя, Нехлюдов реает жениться на Масловой... Спектакль «Воскресение» построен как прошение, просьба о даровании душе света, Бога, надежды, любви! Пронизанный духовными песнопениями, он дает человеку крылья веры, напоминает о необходимости любви друг к другу – наивысшей ценности на земле.

В спектакле заняты: *Заслуженные артисты России* Виктор Ананьин, Геннадий Вершинин, Валерий Жуков, Наталья Савченко, Ирина Федотова; *Артисты* Марина Анисимова, Антон Архипов, Ирина Бавтрикова, Юрий Богородицкий, Марина Борисова, Николай Бутенин, Ирина Васина, Людмила Гамуряк, Олег Есауленко, Наталия Забарова, Лариса Киеня, Анатолий Кирьяков, Инна Медведева, Мария Попова, Дмитрий Чепушканов, Полина Шатохина

Продолжительность спектакля 2 часа 10 минут

Улитина Ольга Викторовна,

старший научный сотрудник Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

Л. Н. Толстой в жизни Тульского прокурора Н. В. Давыдова

В 1910 году летом в Ясную Поляну из Москвы приехал посетить Льва Николаевича Толстого председатель Московского окружного суда, приват-доцент Московского университета, председатель правления университета им. А. Л. Шанявского, председатель Московского театрально – литературного комитета Николай Васильевич Давыдов.

С нежным благоговением он приветствовал Льва Николаевича. «С своей стороны и сам Лев Николаевич отнесся к Давыдову подчеркнуто – внимательно: «Такой дорогой гость!» - все повторял он» - вспоминает секретарь Толстого В. Булгаков.

Эта встреча была последней в тридцатилетней дружбе двух современников.

Для Давыдова отношения с Толстым было великим даром жизни. Почти двадцать лет он жил и работал в Туле рядом с Ясной Поляной. «Прошло немало лет, – пишет Николай Васильевич в воспоминаниях «В Туле» - «Я пережил эпоху мирового посредничества в деревне, судебную работу в Тамбове, Московско-Петербургский период судебной службы и неожиданно был занесен в 1878 г. в чуждую мне дотоле Тулу, где мне привелось провести 19 лет, занимая должность сперва прокурора, а потом председателя Окружного суда. В Туле встречались тяжелые переживания, но, в общем, картина тогдашней жизни представляется мне достаточно светлой. За это время мне посчастливилось встретиться с Л. Н. Толстым. Благодаря доброму расположению его и его семьи, близко подойти к его жизни и к познанию его духовной личности...».

Первая встреча Николая Давыдова с писателем произошла в дороге в поезде осенью 1878 года. Толстой, к великой радости молодого юриста, разговорился с ним и тут же в вагоне пригласил побывать в Ясной Поляне. Вскоре, воспользовавшись приглашением, Давыдов приехал к обеденному часу в Ясную Поляну и в воспоминаниях запишет: «...быстро доехав на отличной тройке «Лабазовских» лошадей, по Киевскому шоссе, все протяжении которого, от Тулы до поворота на Толстовскую усадьбу, я до сих пор помню до мельчайших подробностей, - так как часто потом мне приходилось делать этот переезд. Дорога в Ясную Поляну связана для меня с воспоминаниями о Льве Николаевиче и потому еще, что много раз приходилось по ней проезжать, а иногда идти пешком, с самим Львом Николаевичем и с кем - либо из его семьи, или близких ему людей».

Осенью по первому снегу Давыдов приезжал поохотиться со Львом Николаевичем. «Помню, - продолжает Давыдов, - именно во время охоты с Псковичами и дорогою из засеки домой я ехал в санях вдвоем со Львом Николаевичем, - произошел у меня первый разговор с Львом Николаевичем на серьезные темы, разговор быстро сблизивший нас. Лев Николаевич заинтересовался узнать – верую ли я в Бога, интересуют ли меня религиозные вопросы, или я - подобно многим лицам из интеллигенции – равнодушен к этой стороне жизни. Я высказал Льву Николаевичу мои религиозные верования и отношение к церкви, а затем он сам заговорил о своих исканиях, сомнениях и колебаниях».

Толстой обладал огромной притягательной силой, и каждая встреча с ним давала Давыдову богатый материал для размышлений.

«Со мною вот что случилось, - делится Толстой, - стал я отвлеченнее и отвлеченнее думать о вопросах жизни: о том, в чем она, к чему стремиться, что такое любовь; и дьявол уловил меня: мне стало приходиться в голову, что можно... что особенно важно для единения с китайцами, конфуцианами и буддистами и нашими безбожниками, агностиками – совсем обойти это понятие... Бога. И – удивительное дело – мне вдруг стало становиться скучно, уныло, страшно. Я не знал, отчего это, но, почувствовал, что вдруг страшно духовно упал, лишился всякой радости и энергии духовной. И тут я догадался, что это произошло от того, что я ушел от Бога. И я стал думать – страшно сказать – стал гадать есть ли Бог или нет Его, и, как будто вновь нашел Его, и так мне радостно стало, и такая твердая уверенность стала в Нем и в том, что мне можно и должно общаться с Ним, и что Он слышит меня, и такая радость сделалась... Да, Бог есть, и мне ни тревожиться, ни бояться нечего, а можно только радоваться, не выразить того чувства, что я почувствовал. Больно что-нибудь физически или нравственно, - умирает сын, погибает то, что я люблю, сам ничего уже не могу сделать, страдания ждут меня; и вдруг вспомнишь: а Бог? И все станет хорошо и весело и ясно...»

Это понимание Толстого давало тон всем беседам: о нравственности, литературе, искусстве, в том числе о и юриспруденции. Давыдов соглашался с Толстым, что нравственность не может быть без веры, вне религии, как по сравнению писателя, растение не может быть настоящим растением без корня.

Давыдова любили в семье Толстых. Он был удивительно обаятельным и общительным человеком. Его знания, широта культурных интересов, живой ум, редкая доброта сердца притягивали к нему всех, кто находился рядом с ним. Часто, вечерами в доме писателя Николай Васильевич играл на фортепиано для гостей, иногда играл с Толстым в четыре руки. Зная интерес Льва Николаевича к судебным делам, к вопросам духовной жизни человека, нравственного падения доходящего до убийства на почве мести или половых отношений, Давыдов рассказывал о том особенном, что случалось в его судебной практике. Среди таких рассказов было дело о детоубийстве в Чернском уезде. В 1880 году просмотрев, по обязанности прокурора Тульского Окружного суда все обвинительные акты, он был поражен обстоятельствами одного дела о детоубийстве, совершившемся в крестьянской

среде. Личность обвиняемого Ефрема была настолько исключительна, что невольно останавливала на себе внимание. «Я тотчас же, - отмечает Давыдов, - после ознакомления с делом Ефрема подробно передал Льву Николаевичу все обстоятельства». Толстой очень заинтересовался этим делом, два раза виделся с Ефремом в тюрьме, и через год вышла в свет драма Л. Толстого «Власть тьмы» с фабулой Чернского дела.

По просьбе Толстого прокурор часто привозил ценный жизненный материал, не раз помогал писателю в посещении тульского суда, где рассматривались судебные дела, материалы которых вошли во многие рассказы, повести, роман «Воскресение», пьесы «Плоды просвещения», «Живой труп». 22 мая 1891 года Толстой записал в дневнике: «Получил от Н. В. Давыдова «очень хорошее» судебное дело в качестве материала «Коневского рассказа». 26 октября того же года Толстой в письме Давыдову пишет, что отправляет ему назад все судебные дела за исключением следственного дела «о краже у крестьянина Тюнькина». Речь идет о делах Тульского Окружного суда, привезенных Толстому Давыдовым для работы над романом «Воскресение».

В эти годы в романе «Воскресение» и в трактате «Не могу молчать» писатель решительно выступает против суда, доказывая отсутствие права у одного человека судить другого, лишать свободы, тем более применять насилие, лишать жизни. Со свойственной простотой и убедительностью Толстой развивал, по оценке Давыдова, нравственно высокую теорию, приводя Библейскую заповедь «не убий». Я спорил с Львом Николаевичем, признается Давыдов, указывая на природное нравственное чувство человека, побуждающее его заступиться за беззащитное слабое существо, если он видит учиняемое над ним насилие. Толстой же убеждал, что с нравственной точки зрения насилие нельзя оправдать, и, как правило, оно вызывает отрицательное явление; хотя в некоторых случаях и признавал допустимость суда, как выход из создавшегося, вследствие спора трудного положения вызывающего дальнейшее зло.

В наши дни, когда в печати снова разворачивается дискуссия вокруг проблемы: «нужна ли смертная казнь» - не бесполезно знать точку зрения двух выдающихся предшественников. Оба – Давыдов и Толстой были сторонниками отмены смертной казни, ибо исходили из твердого убеждения, что никто и никогда не должен иметь право лишать жизни человека. «Вы говорите, - пишет Толстой в работе «Не могу молчать», - что вы совершаете все эти ужасы для того, чтобы водворить спокойствие, порядок. Чем же вы его водворяете? Тем, что вы представители христианской власти... разрушаете в людях последние остатки веры и нравственности, совершая величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительства и последнее самое ужасное преступление, самое противное всякому не вполне разращенному сердцу человеческому: не убийства, не одно убийство, а убийства, которые вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на какие-то статьи, написанные вами же в ваших глупых и лживых книгах, кощунственно называемыми вами законами».

В том же духе развивал свои мысли и Давыдов в статье «Смертная казнь»: «Каким образом законодательная власть, избранная народом, может допускать и санкционировать положение, противное физической и духовной природе человека, осужденное наукой, идущее вразрез с господствующим вероучением и нравственными воззрениями общества? Насильственное лишение жизни, никогда и ни при каких обстоятельствах не может стать добром. Недостаточное развитие моральных идей в обществе, отсутствие искреннего религиозного чувства, малая авторитетность нравственных начал, проявляется и в применении государством архаических и варварских мер борьбы с нарушениями закона». Но необходимость суда Давыдов не отрицал. В 1890 году в беседе с Толстым он объясняет: «Я иногда, как прокурор, настаивал на наказании того или иного лица. Но, как можно оправдать виновного? Раз украл, так украл. Убил, так убил. И надо нести ответственность за это. Нельзя же про укравшего сказать: «Нет, он не украл!» Про убившего: «Нет, он не убил!» И отпустить их на свободу. Вот почему я и настаивал на признании факта». Лев Николаевич отвечал Давыдову, и обаяние личности писателя, отзывчивость к людскому горю оказывали сильное воздействие на впечатлительную натуру Николая Васильевича. И, что раньше казалось важным, становилось после встречи с Толстым неважным, а то, чему не придавалось большого значения – нравственная сторона жизни, доброе отношение к окружающим, скромность материальных потребностей – невольно выдвигалось на первый план. Общение с Толстым было для Давыдова школой подлинной нравственности. В 1889 году в докладе, а затем в очерке «Уголовный суд в России» прокурор рассматривает институт суда уже не как карательный механизм, а как учреждение, примиряющее и разрешающее взаимные споры и столкновения, восстанавливающее нарушенные права и предупреждающее дикое насилие. Он стал прокурором, выступающим против современной конституции суда со смертной казнью и каторгой. Он провозглашал гласность суда, применение нравственного закона к делу суда, ставил вопрос о необходимости реформ в судопроизводстве.

22 января 1889 года Толстой записал в дневнике: «Дома хорошо. Давыдов обедал. Он – добрый прокурор, нравственно неожиданно движется».

Со своей стороны Давыдов писал: «я чувствовал к нему не только глубокое уважение, но и горячую привязанность, любовь». Позже, в 1895 году в письме ко Льву Николаевичу Давыдов признается: «несмотря на многие кажущиеся даже серьезными несогласия в наших взглядах, я – Ваш ученик и очень близкий. Никто не имел на меня такого влияния, как Вы и во всем решительно. Много, полученное от Вас, перерабатывалось во мне своеобразно, под влиянием моих особенностей, условий моей жизни, получало иную форму, чем у Вас, но я совершенно знаю, что весь мой нравственный и умственный склад – результат Вашего влияния на меня».

Деятельная помощь Давыдова по многочисленным ходатайствам Толстого, открытие им в Туле исправительного приюта для несовершеннолетних, создание при нем общества милосердия – все это свидетельства подлинной гуманистической позиции друга Толстого. Работы

Давыдова по социологическим и юридическим исследованиям, по вопросам уголовного процесса: «О суде», «О судебных реформах», «Женщина перед уголовным судом», «Детоубийство», «Амнистия», «О судебных уставах», «Законность и политика», «О реформах высшей школы», «Лев Николаевич Толстой и суд»; выступления с докладами на ученых собраниях университетов - ценились как живое слово юриста, сочетавшего знания с широкой практикой в вопросах правовой жизни и высоким правилами нравственности.

После Тулы в 1896 году Н. В. Давыдов был переведен в Москву на должность председателя Московского окружного суда. Но никогда он не терял связь с Толстым. Изредка приезжал в Ясную Поляну, постоянно переписывался со Львом Николаевичем, Софьей Андреевной.

Последние два года жизни тяжелая болезнь приковала Николая Васильевича к постели. Он отдавал себе отчет о своем положении и ожидал кончины с тем ясным спокойствием духа, которое присуще человеку, благородно и плодотворно прожившему жизнь, всегда задававшему себе вопрос Л. Н. Толстого :«ради чего и как мы должны жить?»

В 1920 году весной, незадолго до смерти Давыдов записал в альбоме В. Ф. Булгакова: «я всегда смотрел на людей, с которыми сталкивался, дружелюбно, часто уступал при каких-либо столкновениях, охотно помогал в том немногом, что было мне доступно, избег совершенно чувства вражды, желания мстить и т. п., в худших случаях просто «уходил».

Сейчас я тяжело болен, условия жизни тяжелы мне, как и другим, но все-таки думаю, что эту тяжесть мне легче переносить, чем многим другим, благодаря той атмосфере дружелюбия, терпимости и добродушия, про которую я говорил.

В этом меня в полной мере поддерживал Лев Николаевич...»

Список литературы:

- 1.РГАЛИ. Ф.164. Оп.1. Ед. хранения 164. Л. 7 "Смертная казнь", " Л. Н. Толстой и суд".
- 2.Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т.2. С. 110.
- 3.Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913. С. 251-302.
- 4.Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 312-313.
- 5.РГАЛИ. Ф.164. Оп. 1.Ед.хр.28. Л.109.

Гриценко Евгения Петровна,

*старший научный сотрудник музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»,
кандидат культурологии*

Деятельность Л. Н. Толстого и его семьи в Ясной Поляне в защиту здоровья человека

Важнейшим направлением филантропической деятельности семьи писателя являлась забота о здоровье яснополянских жителей. Удаленность усадьбы от города, отсутствие лечебных учреждений в её окрестностях побуждали помещиков взять на себя ответственность в осуществлении медицинской помощи простым людям. Во многом развитию этой деятельности Толстых способствовала близость помещичьей усадьбы от деревни и та исторически сложившаяся связь, которая существовала между владельцами «Ясной Поляны» и крестьянами. Обращение к исследуемой проблеме показало, что деятельность Толстых в этом направлении сводилась, прежде всего к их личному участию в лечении больных.

Свидетельством этого стала гуманистическая деятельность С. А. Толстой, жены писателя. В большой степени её внимание к вопросам охраны здоровья объяснялась тем, что она выросла в семье медика. Её отец А. Е. Берс долгие годы служил врачом Московской Дворцовой конторы, и его профессиональная деятельность в качестве придворного кремлёвского врача не могла не способствовать медицинскому просвещению дочери. Также общение со студентами медиками Московского университета, которые вели уроки в семье Берсов, а позже необходимость лечения собственных детей стимулировали интерес Софьи Андреевны к приобретению медицинских навыков и их практическому применению. В 1860-е и 1870-е годы в связи с тем, что у Толстых не было собственного врача, С. А. Толстая сама оказывала простейшую медицинскую помощь членам семьи и жителям деревни.

Опыт в лечении народа она передала своей дочери Марии Львовне, которая легко могла установить диагноз болезни и дать нужное лекарство. О её способностях целительницы в Ясной Поляне ходила добрая молва. Бесстрашие средней дочери писателя, её желание помочь больным людям проявлялось в её поступках. В январе 1891 года, когда в Ясной Поляне и в её окрестностях свирепствовал тиф и дифтерия, М. Л. Толстая отправлялась к крестьянам и оказывала им посильную медицинскую помощь. Для того чтобы пополнить свои знания по медицине, она окончила специальные фельдшерские курсы. В 1891–1892 годах Мария Львовна, находясь с Львом Николаевичем и со своей сестрой Татьяной Львовной в пострадавших от голода сёлах Данковского уезда Рязанской губернии, помимо организации

столовых для крестьян занималась ещё и их лечением. Стремясь усовершенствовать свои практические навыки в этой области, в 1900-е годы она посещала больных в клиниках Москвы.

Фактами, характеризующими деятельность Толстых, связанную с защитой здоровья местных жителей, следует считать организацию писателем в 1887 году «Общества согласия против пьянства» и «Общества некурения», куда входили также жители усадьбы. Особым направлением своей просветительской работы среди яснополянцев писатель ставил распространение книг и листовок о вреде пьянства и табака и устройство для местного населения театральные постановки, посвящённые этому вопросу.

Летом 1891–1892 годов Толстые встали на защиту жителей Ясной Поляны от эпидемии холеры, захватившей в то время многие губернии России. Писатель выделил необходимые средства для борьбы с эпидемией¹ и лично обратился к знакомым врачам с просьбой принять участие в ликвидации этого опасного заболевания.

Желая помочь яснополянским жителям, Лев Николаевич неоднократно обращался с рекомендательными письмами к специалистам-медикам, приглашая их приехать в Ясную Поляну для лечения тяжелобольных крестьян. Среди тульских врачей, откликнувшихся на просьбы Толстых, находились: А. М. Руднев, А. Г. Преображенский, Ф. С. Архангельский, В. П. Бажов, А. Ф. Афанасьев, Л. Г. Сухинин. Ещё одним видом благотворительной деятельности Толстых-помещиков, являлось выделение специальных денежных выплат, которые шли на лечение особо нуждающихся крестьян.

В последние годы своей жизни Л. Н. Толстой по-прежнему продолжал заботиться о здоровье яснополянцев. Лечащий врач Толстых Д. П. Маковицкий отмечал, в частности, что в июле 1905 года писатель посещал заболевших тифом крестьян в Ясной Поляне².

Первая попытка дворянской семьи в реализации систематической медицинской помощи в условиях стационара относится к 1888 году. Тогда на территории усадьбы недалеко от дома, где жила семья, был выстроен «Павильон», строение, где в летнее время останавливались гости писателя. Здесь же дочь Толстого Мария Львовна и врач Толстых Д. В. Никитин, а позднее Д. П. Маковицкий оказывали медицинскую помощь сельским жителям. На начальном этапе функционирование лечебницы для крестьян не отличалось постоянством. Приём и лечение больных проводился по мере возникавшей необходимости.

Оживление в деятельности амбулатории наметилось в 1902–1905 годах. В летние месяцы в этот период врачебная помощь крестьянам оказывалась в «Павильоне», а зимой их лечили в деревне, в доме крестьянина Н. Орехова.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 66. М.: «Художественная литература». 1953, С. 252.

² Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Литературное наследство. Т. 90. К. 1. (1904–1905 гг). М.: «Наука», 1979, С. 187.

Амбулатория пользовалась популярностью среди местного населения, в день её посещало до 50³ человек. О регулярности её работы свидетельствовал и введённый приём больных, который осуществлялся ежедневно с 8 часов утра до 2-х часов дня. Побывавший у Толстых 26 июня 1905 года профессор химии Томского технологического института В. Н. Джонс высоко отозвался о санитарных условиях и оснащённости больницы⁴.

В начале 1900-х годов в лечении яснополянцев доктору Д. В. Никитину помогала младшая дочь писателя А. Л. Толстая. Благодаря общению с ним ей стали доступны простейшие медицинские навыки и знания. С 1904 года Александра Львовна принимала больных в амбулатории с Д. П. Маковицким. Нередко вместе с ним для лечения больных крестьян она отправлялась в дальние деревни. «Амбулатория вводила меня в мир горя, темноты народа...»⁵, – писала она о том времени. Работа Толстой в лечебнице развила в ней интерес к медицине и укрепила ещё больше её желание помогать больным людям. Практические навыки в деле лечения больных, полученные А. Л. Толстой в Ясной Поляне, пригодились ей на фронте, куда она отправилась сестрой милосердия в 1914 году.

Амбулатория для крестьян, устроенная помещиками-Толстыми в Ясной Поляне, просуществовала до 1920 года, врачом в ней (вплоть до отъезда в 1917 году из России) оставался Д. П. Маковицкий. После революции ответственность за деятельность лечебницы лежала на членах семьи писателя и Крапивенском уездном управлении. Участие Толстых в работе больницы в этот период сводилось главным образом к её материальной поддержке. Члены семьи Толстых, жившие в то время в Ясной Поляне, часто приходили в амбулаторию, интересовались положением дел в ней. Младшая дочь Льва Николаевича продолжала оказывать и врачебную помощь местным жителям.

Широкий спектр социокультурных задач, поставленных перед ней в 1921 году как руководителем музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, предусматривал также решение вопросов связанных со здравоохранением. Первые шаги в этом направлении были осуществлены Толстой в 1923 году, когда, при её непосредственном участии в здании бывшей чайной, расположенной рядом с музеем, была вновь открыта амбулатория по приёму крестьян. Участковым врачом по рекомендации А. Л. Толстой была назначена М. А. Абакумова, находившаяся вместе с ней в годы первой мировой войны в одном санитарном отряде.

С 1924 года дочь писателя, являясь руководителем опытно-показательной станции «Ясная Поляна», по-прежнему придавала большое значение вопросам

³ Никитина Н. А. Путешествие с Львом Толстым. Т.: Кн. дом «Ясная Поляна», 2002. С. 141.

⁴ Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Литературное наследство. Т. 90. К. 1. (1904–1905 гг). М.: «Наука», 1979, С. 323.

⁵ Толстая А. Л. Дочь. М.: «Книга и бизнес», 2000, С. 91.

охраны здоровья яснополянских крестьян. Об этом свидетельствует и отчёт А. Л. Толстой о деятельности станции за 1926–1927 годы. Особое место в нём занимали вопросы по оказанию врачебной помощи населению. В медицинском участке с 1 октября 1926 года по 1 октября 1927 года было принято 15 тыс. 678 человек⁶. Не уходили из поля зрения Толстой и вопросы медицинского просвещения, уделявшей в своей деятельности большое место организации лекций для местных жителей. По её рекомендации в Народном доме, в школе и избе-читальне в Ясной Поляне и в окрестных деревнях медицинскими работниками было проведено 39 лекций и бесед по гигиене и санитарии⁷.

В мае 1925 года Александра Львовна вошла в состав юбилейного комитета со дня рождения Л. Н. Толстого. Среди задач, поставленных перед ней, значилось и строительство больницы для жителей деревни. Благодаря её активной работе с 1926 по 1927 год было выстроено двухэтажное каменное здание больницы, амбулатория, а также отделаны квартиры для жилья медперсонала. В 1927 году по предложению Александры Львовны силами опытной станции «Ясная Поляна» в деревне Телятинки открылся санаторий (на 15 человек) для детей с ослабленным здоровьем⁸.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что гуманитарная деятельность Толстых в Ясной Поляне, связанная с защитой здоровья крестьян, проводилась практически на протяжении всего срока владения ими усадьбой. Благотворительные традиции семьи сохранялись и после смерти писателя, о чём свидетельствует социокультурная деятельность в Ясной Поляне в 1920-е годы А. Л. Толстой, уделявшей большое внимание вопросам охраны здоровья местного населения.

⁶ Государственный областной архив Тульской области. Ф. 95. Оп. 7. Д. 41. а, л.л. 184. С. 203–207.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Полонская Инна Евгеньевна,

заведующая сектором интеллект-центра Центральной городской библиотеки им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

Охрана заповедных территорий, связанных с именем Л.Н. Толстого

Наступивший 2017 год объявлен Президентом РФ Годом экологии и особо охраняемых природных территорий. Особо охраняемые природные территории и объекты являются общенациональным достоянием. Это участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, и для которых установлен режим особой охраны. Действующий в стране ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях" от 14.03.1995 N 33-ФЗ (ред. от 28.12.2016)

содержит их перечень и характеристики, устанавливает правила по их использованию. Особо охраняемые природные территории могут иметь федеральное, региональное или местное значение. Их основная цель сохранение ценных ботанических, геологических, гидрологических, ландшафтных, зоологических комплексов. Постановлением Тульской областной Думы от 24.04.2008 N 61/2844) принят Закон Тульской

*Государственный
мемориальный
и природный заповедник
«Музей-усадьба Л.Н. Толстого
«Ясная Поляна»*

области от 08.05.2008 N 997-ЗТО (ред. от 26.03.2015) "О регулировании отдельных вопросов в сфере особо охраняемых природных территорий Тульской области". Значение особо охраняемых природных территорий определяется их уникальностью. Они представляют большую ценность для туризма познавательной направленности. Это позволяет рассматривать земли особо охраняемых природных территорий как рекреационные ресурсы, эксплуатация которых должна строго регламентироваться.

На территории Тульской области функционирует три мемориальных и природных музея – заповедника, один из них Государственный мемориальный и природный заповедник "Музей-усадьба Л.Н.Толстого "Ясная Поляна", который после скандала с несанкционированной застройкой на охраняемой территории, 3 апреля 2013 года распоряжением премьер-министра Дмитрия Медведева за №509-р был признан объектом культурного наследия федерального значения. По своему статусу музей-усадьба «Ясная Поляна» - не

только литературный музей, но и природный заповедник. Особое внимание здесь уделяется сохранению природной среды, а также наблюдению за ее состоянием, экологическому мониторингу, который включает комплексную систему наблюдений за состоянием окружающей среды, оценку и прогноз изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов. Мемориальность яснополянских лесов заключается в сохранении и неизменности заповедника, в искусственных насаждениях – посадки лесов по склонам оврагов, долин рек. При этом используется тот же породный состав, который использовался Л.Н. Толстым. Специалисты лесных специальностей за время существования музея-усадьбы проделали титаническую работу по поддержанию и обновлению лесных насаждений. В лесах заповедника проводятся выборочные санитарные рубки, индивидуальный уход за деревьями, уход за травяным покровом. На территории усадьбы бережно сохраняются растения, занесенные в Красную Книгу, например, «северные орхидеи» - любка двулистная и пальчатокоренник пятнистый (кукушкины слезки). И тем не менее под влиянием антропогенных факторов у растений происходит нарушение и замедление роста, наблюдается преждевременный хвоепад и листопад, что приводит к ослаблению деревьев.

Имение Ясная Поляна некогда входило в Крапивенский уезд, и поэтому, начиная с 1847 года и до конца жизни, Толстой был связан со многими учреждениями Крапивны, а весной 1861 года Лев Николаевич был избран на должность мирового посредника по четвертому участку

Крапивенского уезда. Крапивенский государственный природный заказник тоже имеет категорию особо охраняемой природной территории. Заказники действуют почти во всех регионах страны. Эти территории имеют особое значение для обеспечения экологического баланса. Крапивенский заказник - наиболее сохранившийся участок тульских засечных лесов. Он расположен на правом берегу Упы, и очень богат флорой и фауной. Из редких лесных видов растений на территории заказника отмечены многорядник Брауна, самая крупная в области популяция ветреницы дубравной. На болотах на месте карстовых провалах встречаются подбел болотный, клюква, плаун

Крапивенский заказник

Усадьба Никольское-Вяземское – родовое имение семьи Толстых

годичный. Толстой часто наведывался в Никольское-Вяземское, свое второе имение, доставшееся ему после смерти брата Николая. В мае 1864 года Толстой читал здесь своим семейным и А.А. Фету главы из романа «Война и мир». Судьба этой усадьбы незавидна, она значительно пострадала в годы Великой Отечественной войны.

Но с конца 70-х годов переживает свое второе рождение. Благодаря стараниям рабочих Тульского машиностроительного завода им. Рябикова и его тогдашнего директора В.С. Усова были воссозданы по старым фотографиям главный усадебный дом и купальня на берегу реки Чернь, расчищены основные аллеи парка, проведена частичная реставрация усадебной церкви Успения Пресвятой Богородицы. Как заверил меня зав. отделом Савинов Юрий Николаевич, сотрудники усадьбы очень хотят и работают над тем, чтобы парку тоже была присвоена категория особо охраняемой территории.

Усадьба Малое Пирогово. С 1999 г. является филиалом Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Усадьба основана в 1850-х гг. М.Н. Толстой, сестрой писателя. За время владения усадьбой М.Н.Толстой здесь бывали И.С.Тургенев, А.А.Фет и, конечно же, множество раз Л.Н.Толстой. Особенно учащаются визиты

Усадьба Малое Пирогово

Л.Н.Толстого в Малое Пирогово после приобретения усадьбы его дочерью Марией Львовной. Графиня увлекалась фотоделом, благодаря чему сегодня есть возможность увидеть Пироговскую усадьбу на рубеже XIX–XX вв. на ее фотоснимках. Приезжая в Малое Пирогово, Толстой работал в кабинете, который находился на втором этаже усадебного дома. Малое Пирогово представляет собой уникальный ландшафт XIX века. Усадьба Толстых позволяет гостям окунуться в ушедшую, столь романтическую и поэтичную эпоху: избыток неба, неспешно текущая среди заливных лугов река Упа, вид на прекрасный храм Пресвятой Богородицы, цветное и ароматное разнотравье полей, буйство красок усадебных цветов, трели птиц, по вечерам – потрясающей красоты закаты, и уютная графская усадьба с роялем, свечами и удивительными историями из ее прошлого...

Побывав здесь, уже не удивляешься, отчего Л.Н.Толстого сюда так тянуло, и почему здесь было написано столько его произведений.

Менее известна и более трагична судьба других усадеб, дополнивших печальную картину разрушения русской усадебной культуры. Среди них имение, тесно связанное с семьей Толстых - Покровское.

Музей-усадьба «Покровское»

Современное село Покровское расположено в 10 км от поселка Чернь. Имение принадлежало Валерьяну Петровичу Толстому - мужу Марии Николаевны, сестры Л.Н. Толстого. Имение очень красиво располагалось на высоком берегу р. Снежедь. Оно было довольно большим. В переписке с братом М.Н. Толстая упоминает барский дом, новые постройки, конный и скотный дворы, кухню, грунтовой сарай, а также молодой сад, который они разводили в это время. Л.Н. Толстой много раз посещал Покровское, работал над своими произведениями. В мае-июне 1856 года

Толстой провел здесь несколько чудных дней. Он общался с сестрой, встречался с Тургеневым, купался с ним в Снежеди, ездил в Спасское. В Покровском была сделана первая запись о замысле «Холстомера». Увиденная им и Тургеневым в окрестностях Спасского «старая, худая, изможденная лошадь» вызвала замысел нового произведения, и, вернувшись в Покровское, Толстой записывает в дневнике: «Хочется писать историю лошади». От большого имения до сегодняшнего дня сохранился лишь небольшой домик, в котором жила Мария Николаевна Толстая. После революции в доме размещался клуб, а затем Покровская школа. Старожилы села еще помнят, что в их детстве вокруг дома были остатки большого парка с аллеями и сад.

Таким образом в Тульской области существует достаточно охраняемых природных территорий, музеев-заповедников, старинных дворянских усадеб, парков, связанных с именем Л.Н. Толстого. Такие объекты имеют важное значение для организации природоохранной, просветительской и научной работы. Их наличие создаёт устойчивые рекреационные, эстетические, культурные и оздоровительные возможности Тульской области. А особо охраняемые природные территории несут в себе огромный эколого-просветительский потенциал, который возможно использовать на практике.